ФЭНТЕЗИ
МАГИЯ

Николай Ярыгин

ТРЕТИЙ СЫН

ВЫЖИТЬ ВОПРЕКИ ВСЕМУ

Фэнтези-магия

Николай Ярыгин

Выжить вопреки всему

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Ярыгин Н. М.

Выжить вопреки всему / Н. М. Ярыгин — «Издательство АСТ», 2021 — (Фэнтези-магия)

ISBN 978-5-271-136864-7

Мрачная судьба была уготована этому ребенку. Только родившись, третий сын короля должен был умереть. Вся его недолгая жизнь – это борьба со смертью, и надо выжить вопреки всему. Пираты, каторга, война, гладиаторы – через все это предстоит пройти и остаться в живых. А жизнь подкидывает все новые и новые сюрпризы. Появившись в королевстве как бежавший каторжник, он, по сути еще мальчишка, становится героем войны и бароном. В его побратимах сыновья правителей соседних государств, ставшие назваными братьями на поле боя. Но самое главное, он единственный из сыновей короля, который может стать новым королем. А хочет ли он этого, ведь у него свои планы?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-271-136864-7

© Ярыгин Н. М., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Глава первая 9
Глава вторая 13
Глава третья 19
Глава четвертая 27
Глава пятая 35
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Николай Ярыгин
Выжить вопреки всему

© Николай Ярыгин, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Каждый выбирает по себе
слово для любви и для молитвы.
Шпагу для дуэли, меч для битвы
каждый выбирает по себе.

Ю. Д. Левитанский

Элиз тан Канбер, герцогиня Саульская и королева Болара, умирала. Она чувствовала это сама, кровотечение так и не смогли остановить, сил становилось все меньше и меньше. Плохие предчувствия у нее были еще до того, как она отправилась по повелению короля, своего мужа, в этот женский монастырь «Покаяние Спасителю». Просто все королевы династии Канбер рожали детей в этом монастыре. Она уже третий раз посещала этот монастырь по женской надобности, для рождения наследников королю. Королева справилась и родила, но вот сама пострадала, а может, это боги наказали ее. Ей очень не хотелось умирать (как будут без матери ее крошки?), но что она могла поделать. Настоятельница вторые сутки не отходила от ее кровати, но помочь уже была не в силах: ни настои, ни молитвы не помогали. И ведь это уже у королевы третьи роды, организм должен был бы привыкнуть, но произошел разрыв каких-то сосудов, и кровотечение остановить не смогли.

Королева была из древнейшего рода, который был даже старше королевской династии. Она была очень красива и намного моложе короля. Да, это был династический брак, благодаря которому объединились два древнейших рода королевства, чтобы пресечь пересуды, кто из них более достоин трона. Король ждал взросления Элиз целых пятнадцать лет, он очень любил свою жену, ведь пришлось многим жертвовать ради нее, и вот вдруг такое.

– Покажи мне детей, – попросила королева настоятельницу.

Та подняла один сверток, лежащий совсем рядом на широкой лавке.

– Это девочка, она очень красивая, – проговорила настоятельница с гордостью, словно сама родила ее.

Подержав малышку перед глазами матери, она положила ребенка и взяла в руки второй сверток.

– А это мальчик, он очень похож на свою сестру, словно копия, – показала она королеве второго малыша и с какой-то затаенной грустью посмотрела на него.

– Поднеси его ближе, – прошептала Элиз, и, когда настоятельница поднесла малыша почти к самому лицу королевы, та из последних сил приподняла голову и поцеловала ребенка.

– Умоляю тебя, Арния, спаси его, – прошептала Элиз, и по ее щекам побежали слезы.

– Сделаю все, что смогу, моя королева.

– Сними с меня медальон и надень на него, пусть будет ему память о матери.

Это был простой бронзовый медальон на такой же цепочке с нанесенными на него какими-то рунами и иероглифами, который уже не одну сотню лет передавался в роду и, по преданию, служил оберегом. На удивление, он был таким, как будто его сделали только вчера, и за те сотни лет, что его носили, не претерпел никаких изменений.

Никто уже не помнил, кто придумал этот закон, по которому третьего сына правителя лишали жизни сразу же после рождения. Первенец становился наследником, второй сын – военным вождем, а вот третьей должна была рождаться только девочка, услада для глаз родителей и разменная монета в дальнейшем династическом браке для выгоды королевства.

Но закон есть закон, пусть уже не одну сотню лет его не применяли: просто не рождались третьи сыновья. Нынешний король был единственным ребенком, как его отец ни старался, да и ранее у династии, сидевшей на троне, редко когда было более одного ребенка. А вот Элиз родила уже четверых, при этом последний раз сразу двойню. Мальчика и девочку, похожих друг на друга как две капли воды. Только у мальчика, как и у всех мужчин Канбер, над правой грудью была родинка в форме полумесяца и три родинки, образующие треугольник: две возле острых концов полумесяца и одна посередине.

Арния видела, как тело королевы вытянулось и грудь перестала вздыматься.

«Отмучилась», – мелькнуло в ее голове.

Она закрыла глаза Элиз и принялась обдумывать, что ей предпринять. Во-первых, выполнить во что бы то ни стало просьбу королевы, а во-вторых, как это все сохранить в тайне. Пока о рождении королевой третьего сына знали двое: она и старая Свизи-повитуха. Настоятельница произнесла короткую молитву и осенила себя священным кругом. За стенами женского монастыря опускался вечер. Настоятельница закрыла плотно дверь, зажгла свечу и, сев за стол, стоящий тут же, принялась писать письмо своему младшему брату. Она могла доверить эту тайну только тому, кого хорошо знала, и была уверена, что он не предаст и сохранит все в секрете.

Закончив писать, она вызвала старого, но еще крепкого одинокого старика-садовника, работавшего уже десяток лет в монастыре, и дала ему указание. Тот, прихватив кормилицу, которую приготовили для ребенка (ведь королева не вскармливала детей грудью, оберегая фигуру), отправился запрягать лошадей в повозку.

Настоятельница уложила малыша в большую корзину, прихватив письмо, кошель с деньгами на дорожные расходы и подорожную грамоту, а также затолкала в нее ворох нарезанного полотна и вынесла все это во двор. В монастыре шла вечерняя служба, настоятельница тоже должна была на ней присутствовать, но сейчас у нее были более неотложные дела. Проводив повозку и закрыв за ней ворота, она вызвала с вечерней молитвы послушницу и отправила ее сообщить слугам и охране королевы, находящимся в селе под стенами монастыря и ожидавшим, когда королева разрешится от бремени, о том, что та, родив здоровую и красивую девочку, сама умерла родами. По пути послушница должна была сообщить еще одной женщине, которую предполагали взять кормилицей, но отдали предпочтение другой, что требуются ее услуги.

Повитуха, старая сестра-монашка, должна была пройти обряд очищения и находилась в закрытой келье. Поэтому вопрос о том, что с ней делать, чтобы сохранить тайну, откладывался на неделю. Потом все закрутилось, завертелось: похороны королевы, беседы с королевскими дознавателями. И вдруг Арнии сообщают, что старая Свизи умерла. Настоятельница даже растерялась, но где-то глубоко в душе она была благодарна Спасителю за то, что он прибрал старуху и не довел настоятельницу до греха душегубства. Дознаватели тут же кинулись искать злой умысел, но все оказалось намного прозаичнее. Видно, не пережила повитуха смерти королевы, виня себя в том, что, может, она, сделав что-то неправильно, и была повинна в смерти королевы.

Постепенно все успокоилось. Настоятельница монастыря, отмолив грехи – свои и надуманные, часто задумывалась, как там малыш, все ли с ним хорошо. Однажды она села и написала покаянное письмо на имя короля, но не отправила ему, а запечатала сургучом и оставила у себя в столе. Не могла настоятельница носить в себе тайну и королеве данное слово нарушить не могла, вот и выплеснула все на бумагу. Если и найдут его, то только после того, как она отправится на перерождение.

Тяжело в пути с маленьким ребенком, но малыш был очень спокойным, только ел и периодически пачкал пеленки, которые не успевали стирать. Поэтому ребенок в основном лежал голым, благо, что было лето, да и кормилица была женщиной опытной. Старик и женщина с ребенком ночевали на постоялых дворах и в придорожных тавернах, и, так как молока для ребенка должно хватать, старик кормил женщину просто, но сытно. Каждый день, отмеряя версту за верстой, повозка приближалась к конечной цели путешествия, вот уже три недели они в пути, осталось совсем немного. Наконец они въехали в ворота замка барона Марка дир Мушера. Услышав, что прибывшие явились с письмом от настоятельницы храма к самому барону, слуги тут же его позвали. Барон, мужчина чуть за сорок, вышел недовольным и нахмуренным: его оторвали от важных дел, и он хотел быстрее разобраться, чтобы снова к ним вернуться.

– Ну что там еще? – проговорил он, принимая пакет, но, увидев подпись, улыбнулся.

По мере чтения письма его настроение из доброжелательного сменилось неподдельной радостью.

– Так-так-так, – приговаривал он, нетерпеливо переступая с ноги на ногу, словно собирался куда-то бежать. – Мальчишку в семейную опочивальню, Ванка, проводи кормилицу в комнату рядом. А с тобой потом разберемся, – проговорил он, когда закончил читать, и посмотрел на бывшего садовника, а теперь кучера повозки, – накормите его, налейте кувшин вина или пива, и пусть отдохнет с дороги, – отдал он распоряжение, а сам развернулся и почти бегом бросился в замок.

– Верона, ты только посмотри, что пишет сестра! – кричал он всю дорогу, пока не столкнулся с миниатюрной женщиной, выходящей ему навстречу из одной из комнат.

– Марк, ты всех ворон в округе переполошил, чего кричишь, – проговорила она, улыбаясь.

– Ты только прочти, дорогая, что пишет сестра, – проговорил барон и сунул ей письмо в руки.

Баронесса поднесла бумагу к глазам, и по мере чтения выражение ее лица становилось все более удивленным.

– Марк, – зашептала она, – никто не должен этого знать, ты понимаешь, во что мы ввязались? А мальчик пусть растет, мы с тобой можем его просто усыновить. Может, поэтому Спаситель и не дал нам детей, чтобы мы смогли воспитать этого малыша как своего. Не кричи, не накликивай беду, а отправляйся завтра в городской храм и поставь большую свечу Спасителю, а также денег пожертвуй братии. А потом поговори с кюре об усыновлении мальчика. Ты видишь, Арния передала бумагу, что это ребенок вроде бы твоего дальнего родственника Григора дир Мушера, род которого пресекся. У тебя был такой?

– Да не было никогда никаких Григоров… Хотя, может, и были, – барон в сомнении покрутил головой. – А не все ли равно? Теперь это наша кроха, – заулыбался он.

– Тсс, – приложила палец к губам баронесса, потом подхватила супруга под руки. – А сейчас давай посмотрим на малыша.

– Какой же он хорошенький, какой милый мальчик! Он будет спать в нашей спальне, я распоряжусь поставить его кроватку к нам, а кормилица сможет приходить и кормить его, – щебетала некоторое время спустя баронесса, разглядывая малыша, лежащего на семейном ложе баронов. – Я сама буду следить за его воспитанием, – говорила она, прижав руки к груди. – Ты это куда, грязными руками ребенка брать, иди сейчас же вымой! Дорогой, запомни, брать малыша можно только чистыми руками, и говори тихо, он же спит, – шипела она на Марка. – И скажи плотнику, пусть срочно изготовит кроватку для малыша.

Эта миниатюрная женщина имела стальной характер и железные нервы, и поэтому в замке все ходили по струнке. Нет, она не была злой, не имела стервозного характера, но всегда

и во всем любила порядок, да и любили они друг друга с бароном. Вот так и начался новый этап в жизни семейства барона Марка дир Мушера.

Глава первая

– Где этот разбойник, все мое терпение лопнуло! Завтра, завтра же он начинает заниматься с учителями. Ага… вот ты где, а ну вылезай и расскажи мне, зачем ты спящему в конюшне конюху вымазал лицо сажей? Ты знаешь, что он, выйдя поутру, напугал вначале нашу кухарку так, что та, надеясь спрятаться на кухне среди своих кастрюль, перевернула только приготовленную похлебку для слуг. Теперь они голодные и злые. А падре Тумис так испугался, что начал заикаться, и, подумав, что это за его грехи падший прислал демона, тут же стал замаливать свои прегрешения и клясться, что больше никогда не возьмет в рот вина и перестанет ходить к вдове печника и жене помощника конюха.

– А нечего было ему Федра кнутом бить! Подумаешь, он Рыжуху яблоком кормил, – ответил барону красивый мальчик лет пяти с пухлыми щечками, ясными голубыми глазами и лицом в ореоле вьющихся каштановых волос, падающих на его плечи.

– Так он яблоко на кухне стащил, вот и получил. Не за то, что кормил, а за кражу.

– И все равно Федр еще маленький и всего не понимает, – стоял на своем мальчишка, плотно сжав губы и насупившись.

– И с кем ты мазал ему лицо, быстро признавайся, – барон уже с трудом сдерживался от смеха, но все-таки боялся нарушить воспитательный процесс и крепился из последних сил.

– Я все делал сам, только Изольда принесла мне немного сажи, но она не знала зачем, – тут же проговорил мальчик.

Никогда Дарк, так назвали кроху, которого пять лет назад привезли в замок, не вмешивал в свои шалости детей слуг, прекрасно понимая, что его только пожурят, а их сильно накажут.

– С завтрашнего дня ты начинаешь учиться воинским наукам, а также грамоте и счету, и не дай Спаситель, если ты будешь отлынивать и учителя будут на тебя жаловаться.

– Нет, отец, я буду прилежным в учении и постараюсь тебя не огорчать, – поняв, что наказание откладывается, проговорил паренек.

– Ну что же, я посмотрю.

«Вот и поговорили, – думал барон, – мальчишке пять лет, а рассуждает, словно лет на пять старше. Облазил замок с подвала до крыши, хороводит с детьми слуг и работников замка, непоседа и заводила».

Но его Верона только смеялась и говорила, что мальчишка и должен таким быть, непоседливым и любопытным.

«Тоже мне, защитница».

Его супруга, любившая порядок во всем, на шалости Дарка смотрела сквозь пальцы и никогда не повышала на него голос, просто объясняла, почему то или иное нельзя делать.

Сегодня к вечеру прибудут учителя, которых он нанял, хоть Верона и возражала, говорила, что Дарк еще маленький, но барон настоял: раз всякие шалости и каверзы придумывать у него ума хватает, вот и пусть лучше знаниями голову забивает. Это же надо было придумать – примостить в казарме ведро воды на дверь так, что открывшего дверь сержанта стражников Лимера окатило водой, да еще и ведром по голове стукнуло. Хорошо, что по малолетству они (с кем он это делал, он так и не сказал, да разве в замке что-то утаишь), ведро маленькое взяли, а то сержанту бы досталось. Зато смеялся весь замок, когда тот выскочил мокрый, злой и с шишкой на лбу. Барон покрутил головой: нет, он бы точно до такого не додумался.

А как-то, натолкав камешков в старый кошель и привязав к нему нитку, которую выпросили у сапожника, они бросили кошель на дорогу, а когда кто-нибудь за ним нагибался, тут же оттягивали. Кто-то сразу понимал, что это шутка, и, погрозив кулаком в сторону, куда уходила нить, шел дальше. А кто-то, как служанка Ванка, гнался за кошелем, пока не стукался головой в бочку, за которой прятались эти разбойники.

А со следующего утра Дарка подняли чуть свет и погнали на разминку. Вначале он бегал по кругу, но это для него труда не составляло. Тогда его учитель, седой отставной сержант, мастер меча, нагрузил его бревнышком, которое специально срезали вчера для этих целей, и снова погнал по кругу. После пробежки заставил отжиматься и прыгать по пенькам, врытым на разной высоте. А в окно из-за шторы в это время за ним наблюдали барон и баронесса. Через два часа Дарк, как и все, обмылся у бочки с водой и, одевшись, побежал на занятие по грамоте.

Учеба Дарку давалась очень легко, он глотал знания, как голодный кашу, и теперь он просто поселился в библиотеке барона, читал и перечитывал старые манускрипты, рукописные книги, а еще новомодные книги о рыцарях и прекрасных дамах. На шалости и баловство времени у него уже не было, теперь его можно было видеть в синяках и кровоподтеках. Увидев очередную отметину, Верона устраивала разнос мужу.

– Как можно издеваться над ребенком, твой сержант забьет его до смерти! Ну, смотри, Марк, не дай Спаситель, что-то нарушится у парня в организме, я вас обоих с твоим мастером прибью, – не раз угрожала она барону, но тот только посмеивался.

– Так всегда бывает в учении, дорогая, а учитель знает, что делает, Дарк ведь не первый его ученик.

Сержант учил Дарка всему, что знал сам: меч сменяло копье, копье сменял боевой топор, затем лук или арбалет. Они уходили на несколько дней в лес и там жили только тем, что добывали сами. Учились ставить силки и петли на зверье, разводить костер в любую погоду и определять стороны света по звездам и деревьям.

Дарк рос и мужал. Начитавшись легенд о рыцарях, он уже начал подумывать завести себе даму сердца, как у всех рыцарей, но, осмотревшись вокруг, вдруг понял, что выбирать не из кого: вокруг него лишь сопливые девчонки, дети слуг и рабочих замка. «Ну что же, – подумал Дарк, – время у меня еще есть, и спешить пока не буду». Он только сильней тренировался под присмотром мастера меча. К пятнадцатилетию Дарка сержант передал ему все, что знал сам, остальные учителя уже давно покинули замок, заявив, что им нечему учить парня. Для дальнейшего обучения ему требуются более сведущие учителя, а лучше отдать его в столичную академию.

Но от предложения продолжить обучение в столичной академии Дарк наотрез отказался.

– Отец, я не собираюсь становиться ученым мужем, моего образования вполне достаточно. Я знаю законы, историю королевства и даже соседних королевств, географию, не говоря уже о грамматике, манерах и танцах. Пока этого вполне достаточно, если в дальнейшем меня что-то заинтересует, то я обязательно скажу тебе об этом.

Парень рос очень рассудительным, да и выглядел он в свои пятнадцать лет на все восемнадцать: высокий, с хорошо развитой мускулатурой, при этом был красавцем с голубыми глазами и каштановыми кудрями.

В последнюю поездку по делам в город барон взял его с собой, хоть Верона и была против, но Марк решил: пусть парень знакомится с миром. Нечего ему сидеть в замке, а, кроме того, в шестнадцать Дарку надо предстать перед королем, это считалось совершеннолетием. Парни получали предписание, где и в каком полку им придется служить положенные годы, а девицы получали поясок и могли уже через год выходить замуж, вручив этот поясок своему суженому. Парни жениться могли лишь через два года, но молодые дворяне и не спешили это делать, понимая, что молодость дается только раз, а доступные белошвейки, да и другие женщины и вино скрасят их досуг, и оттягивали эту возможность, кто сколько мог.

Вот и болела голова у барона, как представить его королю и во что это может вылиться. Дарка они с Вероной никому не отдадут, пусть это даже будет стоить им жизни, но и парню ее портить не хотелось. И чем ближе дата шестнадцатилетия, тем сильней болела голова Марка дир Мушера о том, что же делать.

Проведя трое суток в дороге, они наконец прибыли в город Верен, который стоял на берегу Лазурного моря. Сам город Дарку не понравился: шумный, грязный, заваленный кучами отбросов, с множеством оборванных нищих, попрошаек и воров. А вот море его очаровало – пока барон занимался своими делами, Дарк и его слуга целыми днями пропадали в порту. Парень мог часами наблюдать, как загружают или разгружают заходящие в порт корабли, как ругаются капитаны и смотрители порта, а стражники проверяют наличие товаров, с которых не уплачена пошлина. А как приятно было окунуться в теплые бирюзовые волны, пока слуга сторожит одежду. В общем, море стало для Дарка тем, с чем он в дальнейшем решил связать свою жизнь. Он побывал и на рынке, попробовал морских деликатесов: прямо там можно было съесть и осьминога, приготовленного на углях, и всевозможную рыбу – и жареную, и копченую, и соленую, и попробовать креветок и мидий. На постоялый двор Дарк приходил переполненный впечатлениями и усталый.

Однажды он увидел, как кучер проезжающей мимо кареты ударил плетью старика, не успевшего вовремя уйти с дороги. Старик упал, а карета проследовала дальше. Дарк кинулся к старику, помог ему подняться и принялся расспрашивать, куда помочь ему добраться. Но оказалось, что старик пришел в город издалека и тут нет у него ни родных, ни знакомых, а снимает он комнату в этом самом доме, возле которого и произошел казус. Дарк довел старика до крыльца дома и усадил, чтобы тот немного пришел в себя.

– Молодой человек, я просто не знаю, чем тебя отблагодарить. Давай я тебе погадаю и предскажу судьбу, – предложил Дарку старик.

Ему, конечно, стало интересно, и он согласился. Старик достал откуда-то из своей одежды мешочек, дал его подержать Дарку, а потом высыпал из него какие-то камушки, косточки и веточки. Посмотрел хмуро на то, что получилось, затем снова собрал все в мешочек, потряс его и снова высыпал на крыльцо. И так проделал несколько раз. Но видно было, что гадание идет не так, как надо. Старик еще посидел, подумал.

– Извините, молодой человек, но, видно, я все-таки сильно расстроился от удара, и вот никак гадание не получается, – и дед огорченно развел руками.

– Вам точно не нужна помощь? – спросил его Дарк.

– Нет, нет, все в порядке, да и я уже почти дома, так что иди по своим делам и не переживай. Спасибо тебе за все.

И Дарк со спокойной душой повернулся и проследовал дальше в порт.

А старик долго смотрел ему вслед. Почему гадание не получилось, было для него загадкой. Кто мешал ему его провести? Наверное, все-таки виновата в этом богиня судьбы: очень редко, но она вмешивалась в его гадания.

«Ну, подожди, доберусь я до тебя, – думал старик. – Да поможет тебе Спаситель, мальчик, трудная и опасная тебе судьба выпала, и пусть он проведет тебя по кромке, только он сможет помочь тебе выбрать правильную дорогу и не оступиться». Старик еще какое-то время сидел и смотрел вслед уже скрывшемуся Дарку, а потом с тихим звоном растаял в воздухе.

Сегодня барон заканчивал свои дела, заключив с купцами все договоры на поставку товаров в замок и продажу своей продукции. Так что завтра они отправляются домой, и поэтому Дарк поспешил прямо с утра проведать свой любимый порт и море и попрощаться с ними на время. Слуге барон дал задание, и Дарк сегодня шел без сопровождения.

Вдруг он услышал крики о помощи и, не задумываясь, кинулся на крик. В переулке, куда он заскочил, двое мужчин крутили руки женщине, и та, заливаясь слезами, молила о пощаде и помощи. Дарк выхватил кинжал, который он имел право носить, и бросился на помощь.

– Сейчас же оставьте даму или мне придется вас задержать! – закричал мальчишка. Он почти достиг насильников, но тут на его голову обрушился удар дубины их третьего подельника, прятавшегося в тени, и Дарк свалился, потеряв сознание. У женщины моментально высохли слезы, и те, кто выкручивал ей руки, ее отпустили.

– Отлично сработано, Камила, с возрастом твои крики становятся только более правдоподобными, – проговорил, по все вероятности, главарь.

Потрепанная дама со следами разгульной жизни на лице довольно заулыбалась.

– Так, может, добавишь пару монет за мои старания? – проговорила она хриплым, пропитым голосом.

– Хватит тебе пока и того, что даю. Так, давайте быстро, хватаем парня и тащим хромому Доку, они скоро отходят, а этот пройдоха, снова изобразив спешку, нас обдурит. Сур, ты не сильно ли приложил мальца, он не помрет случаем? – обратился главарь к тому, кто ударил дубиной Дарка.

– Нет, Глоб, нормально, оклемается через час, да и какой он малец, – стаскивая с Дарка куртку, проговорил Сур, – смотри, какие мышцы.

– Ладно, парни, давайте бегом, не хватало дождаться еще стражников, я хоть их лейтенанту и плачу, но наглеть не стоит.

И шайка, подхватив Дарка под руки, потащила его к морю в сторону от порта.

– Эй… Док, товар еще принимаешь? – проорал тот, кого звали Глоб, через некоторое время, когда они достигли небольшой бухты вдалеке от порта. Над бортом побитого жизнью и волнами барка появилось заплывшее лицо капитана и купца одновременно, который поставлял пиратам живой товар и иногда и сам не гнушался пощипать беззащитную фелюгу, чтобы поживиться товаром, не оставляя при этом свидетелей. В дело шло все: захваченный товар сбывался купцам, а люди – пиратам.

– Глоб, ты совсем уже разум потерял, это же, наверное, дворянин, его ведь искать будут! А, ладно, сейчас брошу сходни, он хоть живой?

– Живой, чего бы мы тебе мертвеца тянули, – когда уже сбросили сходни, проговорил Глоб.

На борт их не пустили, Док сам спустился к ним, проверил товар и, подсчитав что-то в уме, озвучил сумму в три серебряные монеты.

– Да побойся Спасителя, – зарычал Глоб, парень здоровый, как берг, – это золотой как минимум.

– Какой золотой, да он помрет еще в дороге, и я вообще в убытке окажусь. Не хочешь мою цену – оставляй его себе, слугой будет, – хохотнул Док и повернулся, собираясь подняться на корабль.

– Ладно, Док, накинь еще хоть серебрушку, – стал канючить Глоб.

– Только потому, что давно тебя знаю, дам еще пятьдесят медяков.

Глоб расстроенно махнул рукой, соглашаясь. Пока Док отсчитывал деньги, пара матросов сноровисто и быстро затащили Дарка на барк и после того, как Док поднялся на борт, убрали сходни.

«Неплохо я этот раз загрузился, и прибыль должна быть приличной, надо только спешить», – думал Док, глядя на убывающий берег.

Глава вторая

Дарк пришел в себя и никак не мог сообразить, где он. В темноте трюма он различал какие-то копошащиеся силуэты. Ужасно болела голова, и он дотронулся до затылка, куда пришелся удар, и обнаружил огромную шишку и подсохшую корку крови.

«Да, знатно меня приложили, – мелькнула мысль, – что же с той женщиной? Жаль, я так и не смог ей помочь».

Он осмотрел и ощупал себя: единственное, что на нем осталось, – это его рубашка и медальон, который, сколько он себя знал, был всегда на нем, и отец, и мать очень сердились, когда он его с себя снимал. Он был босой, и на нем были какие-то лохмотья вместо штанов. А еще его убивала неизвестность. Единственное, что он понял: он находится на корабле, потому что слышен был шелест волн, бьющих в борт.

– Кто-нибудь знает, где мы находимся и куда мы плывем? – спросил он у силуэтов.

– Везут нас на остров Рюдель, а находимся мы на корабле, больше я ничего не знаю, – раздался откуда-то из сумрака мужской голос.

Дарк хорошо учил географию и историю и знал, что остров Рюдель – это вотчина пиратов, они уже сотню лет как там обосновались, и на этом острове самый большой рынок рабов. И все королевства так или иначе участвовали в его развитии: то сбывали туда преступников, продавая их пиратам, то закупали по дешевке товары, захваченные теми же пиратами, то устраивали охоту на пиратов, когда они начинали наглеть или их становилось много. Отметились все и не один раз. Плыть до острова при попутном ветре шесть дней.

Дарк хоть и не терял присутствия духа, но на душе у него стало очень тревожно и неспокойно. Вечером им спустили немного черствых лепешек и жареной рыбы. Утолив голод, Дарк постарался заснуть, и это у него получилось. Утром им спустили в бачке попить воды, и на этом все. Когда открыли люк, Дарк при свете, пробивающемся через люк, смог рассмотреть, с кем свела его судьба. Тут были и мужчины, и женщины, в основном молодые и полные сил, количеством почти полтора десятка. Попали сюда все по-разному: кто-то, как и Дарк, в бессознательном положении, кого-то приволокли пьяным, пообещав золотые горы, кого-то, в основном женщин, притащили насильно, нисколько не заботясь об их чувствах и желаниях. Так что все товарищи по несчастью ждали и одновременно боялись конца плавания.

Дарк задумался, что может ему реально угрожать. Он знает грамоту и много чего еще, отлично владеет мечом, кинжалом, копьем и неплохо стреляет из лука и арбалета. Но до поры не стоит это светить, а просто заявить, что грамотен, пишет, считает и читает, знает законы, географию и историю… Вечером снова сбросили черствые лепешки и жареную рыбу, правда, дали еще воды напиться.

Да, на такой кормежке ноги точно протянешь, капитан экономил на всем, главное – прибыль. На третий день плавания стало слышно, как по палубе забегали, послышались резкие команды, через некоторое время раздался свист ветра и весь корабль стал трястись от удара волн. Его бросало из стороны в сторону, людей в трюме так же бросало, как и корабль, все уже поняли, чем для них все это может закончиться. Послышался плач и причитания, кто-то громко молился. Сквозь борта начала просачиваться вода, чем дальше, тем больше. Люди стали кричать и просить открыть люк и выпустить их из трюма. Люк открыли или он сам открылся от удара, Дарк подпрыгнул и, ухватившись за край проема, вмиг оказался на палубе. А там творилось светопреставление, волны перекатывались через палубу, и устоять на ногах было практически невозможно. Капитан и рулевой, вцепившись в штурвал, пытались развернуть корабль носом к волнам. Это им пусть и удалось, но барк все равно несло к берегу на рифы.

Кто-то, как и Дарк, решил выбраться из трюма, но в это время корабль мотнуло, и крышка люка упала вниз, раздался крик, наверное, несчастному отрубило пальцы. Дарк не успел даже додумать мысль, как сильный удар просто выбросил его с корабля. Плавать он не умел, но, видно, Спаситель думал о нем, и, уже погружаясь под воду, он увидел проплывающую рядом дверь и вцепился в нее изо всех сил. Вокруг была почти ночь, хотя по времени должна быть середина дня, били молнии, и крупный дождь хлестал по телу, вдобавок огромные волны бросали и его, и дверь, как пушинку ветер. Дарк лег грудью на дверь, закрыл глаза и отдался на волю стихии.

Часа через три болтания в море Дарк вдруг почувствовал под ногами твердую почву, он даже вздрогнул от неожиданности и открыл глаза. Буквально в двух десятках метров был песчаный берег, а чуть дальше по берегу росли деревья. Дарк бросился к спасительному берегу, волны били в спину, он два раза упал, но почему-то тащил с собой дверь, бросил ее только тогда, когда глубина стала ему по щиколотку. Выбравшись на берег, из последних сил он направился к деревьям, дождь уже прекратился и ветер стал не таким злым. Достигнув деревьев, он просто упал без сил и потерял сознание или заснул, он этого даже сам не понял.

Пришел в себя Дарк, когда солнце уже давно встало, и, осмотревшись вокруг, увидел обломки корабля, разбросанные по берегу, и лежащее навзничь у кромки воды тело. Подойдя, он увидел, что это тело капитана: голова его была разбита. Как ему ни было противно, но Дарк стащил с капитана сапоги и штаны, прополоскал все это в море, подсушил на солнце и натянул на себя. Сапоги были старые, и чувствовалось, что после купания в морской воде долго не протянут. А штаны были необъятные в поясе, поэтому пришлось позаимствовать и широкий пояс, в котором с внутренней стороны в хитрых кармашках нашлись монеты, среди которых были даже две золотые. Удивительно, но на ремне болталась абордажная сабля, которую не смыло и не оторвало, Дарк прихватил и ее.

Побродив по берегу, он не нашел больше ничего, стоящего внимания, и стал взбираться на довольно крутой берег, который шел сразу за десятком деревьев, которые дали вчера ему приют. Сегодня море снова было спокойное и ласковое, весело отражало лучики солнца, но он вспомнил, какое море было вчера, и Дарка передернуло от отвращения.

– Нет, я, наверное, все-таки поспешил, решив связать свою жизнь с морем, – парень еще раз посмотрел, как ласкают набегающие волны песчаный берег, и принялся взбираться на косогор.

Забравшись на берег, Дарк снова оглянулся на море и пошел вдоль него в надежде найти село или город, здраво рассудив, что море – это кормилица и кто-то все равно живет его дарами, значит, и находится возле моря. Через час он наткнулся на тропинку, которая привела его в большое село. В этом селе имелся даже постоялый двор, рынок и несколько лавок.

Село промышляло рыбой и другой морской живностью, сюда почти ежедневно приезжали купцы на ее закупку. Первым делом Дарк прошелся по лавкам, приобрел себе штаны из небеленого полотна, неплохую куртку и даже сменял сапоги капитана на более новые, доплатив сапожнику. Потом упросил его сделать в каблуках потай на всякий случай, усилить стельку, промазать все швы хорошо дегтем и набить металлические набойки. Сапожник посмотрел на парня с интересом, но за половину серебряной монеты сделал, что Дарк просил.

Как сложится дальше жизнь, пока неизвестно, деньги надо поберечь. Затем у кузнеца поменял абордажную саблю на кинжал, так как до совершеннолетия парни не имели права носить оружие с длинным лезвием, если только это не было позволено по службе. Отъевшись и отлежавшись пару дней, он уговорил одного из купцов разрешить ему следовать с караваном до ближайшего города, прекрасно понимая, что, не имея ни документов, ни знакомых, не стоит сильно выделяться, лучше пока уменьшить свой гонор и жить как простолюдин, пока не наберется сумма, чтобы добраться домой. Начальник охраны каравана выдал в пользование Дарку меч.

– Смотри, не порежься, парень, раз разрешили тебе следовать с караваном, то побудешь и его охранником, – проговорил он, вручая меч Дарку.

– Постараюсь, – ответил тот, с сомнением осматривая оружие из плохого железа, тупое и местами с видимыми выщерблинами на режущей кромке. Он целый день чистил и полировал лезвие, доводя его до идеального состояния.

Вся его работа или служба состояла в том, чтобы на стоянке собрать хворост для костра, принести воды в котел да вымыть его после еды. В общем, подай-принеси, работа простого слуги, но слуге надо платить за услуги, а тут только и того, что иногда можно присесть на телегу. Но парень не обижался и честно выполнял свои обязанности, не выказывая недовольства.

Местность, где очутился Дарк, была Республикой Свободных Торговцев: в ней не было дворян и аристократов, а было всего два сословия – торговцы, купцы и все остальные. Правил республикой совет старейших торговцев, по сути, совет олигархов и магнатов. Дарк, конечно, этих слов не знал, но суть уловил точно. Расспрашивал он попутчиков обо всем, все-таки он был впервые в другом государстве, и все вызывало у него интерес. У купцов в караване было десятка полтора телег, груженных бочками с сельдью, копченой и свежей рыбой. Свежую рыбу везли пересыпанную, обложенную льдом и укрытую опилками и сеном. Дарк сам не понимал, что его понесло в глубь страны, проще было дождаться какого-нибудь корабля и добираться домой. Он представлял, как волнуется Марк и сходит с ума Верона. «Ладно, – решил Дарк, – доберусь до города, посмотрю, как они живут, и оттуда уже сразу направлюсь к портовому городу и на корабле домой».

В горах республики добывали медь, другие металлы, там даже были серебряные рудники. Сама республика была вытянута полосой вдоль побережья, и одним из основных товаров была рыба и другие морские продукты. Было и сельское хозяйство, но оно было не так развито, как дальше, в глубь континента.

Через несколько дней пути Дарк вошел с караваном в город Михель, столицу одноименной провинции. Тепло распрощавшись с купцом и остальными охранниками каравана, парень решил немного пожить в городе, узнать обычаи и законы государства. Расспросив и узнав у стражников, где тут находится постоялый двор или таверна с комнатами, он отправился ее искать.

Постоялый двор нашелся быстро, и, заплатив положенное, Дарк стал обладателем на время небольшой комнаты, больше похожей на чулан с окном. Но что может огорчать в юности, так это точно не такие мелочи. Вечером он упрятал в каблуки монеты, доставшиеся от капитана, оставив себе лишь несколько серебряных монет и медяков.

На следующий день он посетил местный рынок, поинтересовался ценами, прикупил себе у торговца, жарящего на решетке рыбу, приличную скумбрию и с аппетитом ее съел, а потом, довольный, продолжил дальше свое знакомство с городом.

* * *

Крав бесился и не знал, на ком сорвать свою злость. Прямо какая-то полоса невезения: из академии его выгнали с пометкой «за постоянную неуспеваемость и отсутствие способности понимать преподавателя». Конечно, не стоило бросать чернильницей в ректора и угрожать преподавателю торгового права, но как они смели указывать ему, сыну председателя совета провинции! «Вы пришли не в той форме, сейчас же идите и смените ее, а если вы не желаете изучать правило торговли, нам придется расстаться», – и так изо дня в день. Старшие братья смеются и издеваются, самое ласковое слово у них – «придурок», отец тоже выдрал его, хотя он уже совершеннолетний. Правда, все было дома, отец строго следит, чтобы ничего не вышло из дома – это же какой удар по его репутации, и тем не менее на задницу Крав пару дней

опуститься опасался. Карманных денег лишили, разве что мать что-то подкинет, но отец, зная о ее отношении к младшему сыну, тоже посадил ее на голодный паек. А тут еще эта девка.

Крав и правда был с задержкой развития: лишь несколько лет назад он научился вовремя подбирать сопли или вытирать их платком. До двенадцати лет они просто свисали с его носа, пока не падали на землю или пока Крав не слизывал их языком, за что и получил кличку «сопля». Когда что-то не получалось у него, он впадал в ярость, а не получалось в учебе у него почти все. Но преподаватели его тянули, не желая иметь неприятности от его отца, председателя совета провинции. Почему Крав родился таким, никто не знал: или отец его зачал после хорошего возлияния, или природа решила не заморачиваться и на нем просто отдохнуть. Но вот гонора и апломба у Крава было более чем достаточно, последнее время он считал себя красавцем и чертовски умным парнем. Вот отец решит вопрос с академией, и все будет, как и раньше. Правда, эта девка слишком много себе позволяет.

Это же надо, Майла опять ему отказала, притом второй раз: она, видите ли, боится, что и дети будут такими же, как он, – недалекими. Вон, о чем-то разговаривает с Ирмой, и смеются. И что ей не так? На лицо недурной, роста нормального, у отца денег достаточно, успокоится и решит все вопросы, в первый раз, что ли. Чуть погодя пристроит сына на какое-нибудь свое предприятие. А может, и в личное пользование выделит какое-нибудь. Крав оглянулся на девушек, которые опять засмеялись.

«Все-таки неплохую лошадку ей подарил отец на совершеннолетие, вон как танцует под ней! Говорят, да я и сам видел, что на центральной площади заложили большой магазин и что по окончании строительства хозяйкой его станет Майла», – перескочили его мысли.

И тут девушки в который раз звонко засмеялись, поглядывая на Крава, а тот понимал, что смеются над ним, и от этого его прямо скрутило от злости.

Вдруг ему показалось, что какой-то местный ублюдок не очень расторопно уступил им дорогу. Вот и повод сорвать злость появился, и Крав изо всей силы ожег плебея плетью. Тот вздрогнул от удара и шагнул дальше в сторону. Крав потянулся, чтобы еще раз хорошенько врезать, как он считал, нарушителю, оказавшемуся молодым парнем. Сзади задорно заулюлюкали друзья Крава, из такой же золотой молодежи города Михель. И это еще больше раззадорило Крава. Парень же спокойно наблюдал за тем, как Крав замахивается, и в момент удара вытянул руку и перехватил плеть. Дальше Крав помнил плохо, он почему-то ощутил рывок и, хоть и выпустил кнутовище, но на руке осталась петля. И он вдруг ощутил себя летящим, а потом жесткое приземление в пыль под ноги этому плебею и остальной кавалькаде своих друзей.

* * *

Дарк спокойно шел, разглядывая все вокруг. Он уже неделю жил в городе. Сегодня был день его рождения, и он отправился на рынок, решив немного себя побаловать и купить какой-нибудь деликатес. Увидев впереди несколько всадников, он предусмотрительно ушел с их пути. Это были молодые люди, в большинстве своем его ровесники. Дарк засмотрелся на одну из девушек, очень хорошенькую и милую, как вдруг его ожег удар, и он непроизвольно отскочил еще дальше от дороги. Компания молодых людей засмеялась, вместе со всеми смеялась и так понравившаяся девушка. Дарк даже забыл про боль, стало очень стыдно, и он решил больше не позволять себя бить. Где-то далеко в подсознании мелькало: «Уйди, не лезь на рожон, будет только хуже». Но Дарк воспротивился внутреннему голосу. «Нет, не уйду, я дворянин, а не смерд, и пусть этот титул здесь ничего не значит, но никто безнаказанно не имеет права ударить меня!»

Обидчик, с вытянутым лицом, тяжелой нижней челюстью и какими-то бесцветными глазами, злобно щерился. Он, видать, не желал останавливаться на одном ударе, поэтому уже

правил коня в сторону Дарка и замахивался. Вот рука пошла вниз, еще мгновение – и Дарк выставляет руку, плеть наматывается на нее, он тут же сжимает ладонь еще сильней, захватывая витой ремень плети, и резко дергает, пытаясь вырвать плеть. Но получается еще лучше: вместе с плетью из седла вылетает и этот великовозрастный болван. Он зачем-то накинул петлю на конце черенка на руку. А всадники уже смеялись над одним из своих, допустившим такую промашку. Плюхнувшись под ноги Дарку и весь перемазавшись в пыли, обидчик вскочил и принялся орать и пытаться достать шпагу, висевшую на боку.

– Ты знаешь, кто я такой?! Как ты вообще посмел мне сопротивляться, смерд, я сгною тебя в тюрьме! – орал обидчик.

– Да мне все равно, кто ты, я дворянин и не позволю всяким уродам бить меня плетью.

– Ах, так ты дворянин! Тогда я вызываю тебя на дуэль тем оружием, которое при нас, здесь и сейчас. И чтобы ты знал, у нас в республике нет дворян, здесь не ценят дармоедов, скрывающихся под титулом. Так что, тварь, я тебя сейчас нарежу мелкими кусочками!

Друзья этого напыщенного молодого человека начали его отговаривать и предложили просто вызвать стражу. Но тот уже закусил удила, да и предполагал быстро разделаться с парнем, имея в руках шпагу против кинжала: очень уж хотелось блеснуть умением перед Майлой. Тем более уже не один месяц учился фехтованию, и учитель его хвалил за успехи.

Дарк, услышав про дуэль, сделал церемониальный поклон и достал свой кинжал. Конечно, кинжал против шпаги – это заведомый про игрыш, но отступать некуда, да и учитель говорил, что проигрыш в схватке начинается с мыслей о проигрыше. Так что надо выбросить из головы все мысли и сосредоточиться только на шпаге и ногах соперника.

Дуэлянты разошлись в стороны и по команде стали сближаться. Дарк обратил внимание, что соперник как-то странно держит шпагу. Вот он попытался сделать укол в руку, держащую кинжал, но все было сделано так коряво, неточно и медленно, что Дарк спокойно увернулся от атаки.

«Ха, да он неумеха, он шпагу в руках держать не умеет», – подумал он после такой же неумелой второй атаки, проведенной соперником. После очередной атаки в ту же руку Дарк, поднырнув под атакующую, высоко задранную руку, ударил соперника кинжалом в плечо и обратным движением, вырвав из раны кинжал, взрезал ему вены на запястье оружной руки.

На этом дуэль и закончилась: соперник лежал в пыли и выл диким голосом, пытаясь зажать хлещущую кровь из раны на руке. В этот самый момент подоспел наряд стражников, и Дарка проводили в местную тюрьму, а его соперника отправили к лекарю. Дарк вел себя абсолютно спокойно, он был прав и ждал, что скоро во всем разберутся и его выпустят. Но почему-то никто к нему не пришел ни в этот день, ни в следующий. Лишь два раза в день приносили мерзкую похлебку. Казалось, что о нем забыли. На все вопросы разносящий еду односложно отвечал:

– Разговаривать запрещено, – и шел дальше.

И Дарк снова валился на слежавшуюся солому, заменявшую ему постель. Ожидание развязки его очень тревожило, да что там тревожило, просто убивало. Но он крепился изо всех сил и не показывал своей тревоги. Правда, иногда метался по камере, как загнанный в ловушку зверь, чувствуя грядущие неприятности.

Пришли за ним лишь через неделю, и дознаватель сразу, не таясь, обрисовал ему его участь.

– Ты напал на мирно совершавших конную прогулку детей, их отцы управляют городом и провинцией, заседая в совете, при этом нанес серьезную рану одному из них, и, если бы не подоспевший наряд стражи, скорее всего, убил бы. Назови себя, кто ты и откуда.

Дарк назвал свое полное имя и место проживания. Дознаватель похмыкал, а потом предложил направить отцу письмо с просьбой о выкупе и назвал сумму в тысячу золотых, иначе его ждет вечная каторга на медных рудниках. Тысяча золотых – это был доход баронства за пол-

года, но будь выкуп даже в один золотой, Дарк все одно не стал бы писать отцу. Сам натворил, сам и выпутываться должен, парень, по своему убеждению, верил в законы и справедливое правосудие. И даже первое столкновение с несправедливостью, когда его обманом продали, по сути, в рабство, не смогло убить в нем эту веру.

– Подождите, о каком нападении вы говорите, ведь была дуэль, и были свидетели того, что этот парень вызвал меня сам.

– Аха-ха-ха, – засмеялся дознаватель, – вот как раз свидетели и сообщили, что это ты напал на них. И мой тебе совет – пиши отцу, иначе на медных рудниках даже такой молодой и здоровый парень, как ты, умрет через два-три года. Вот, подпиши, – и он протянул ему лист, который заполнял во время их беседы. Дарк пробежал глазами то, что было там написано, и отказался это подписывать. Его снова отвели в камеру и снова о нем забыли.

«Какой запоминающийся у меня день рождения, – думал Дарк. – Такое ни за что не забудешь, и прав был учитель, что мир очень разный и жестокий, а сообщество людей неоднозначно».

Лишь через месяц его повели на суд.

В небольшой комнате, куда его привели, сидело несколько человек. Председательствующий, маленький толстый человек с бегающим взглядом и презрительно поджатыми губами, быстро зачитал заявление пострадавшего, затем показания свидетелей и обвинение. Указал, что баронет Дарк дир Мушер отказался подписывать допросный лист и не признал себя виновным. Затем поинтересовался у присутствующих, будут ли вопросы к суду или обвиняемому. Вопросов ни у кого не оказалось. И судья прочел приговор, в котором говорилось о пожизненной каторге на медных рудниках.

– Но погодите, господа судьи, – начал говорить Дарк, но договорить ему не дали, а два дюжих стражника потащили из зала суда.

Уже у самой двери, взбешенный такой несправедливостью, Дарк вырвался из рук своих конвоиров и успел прокричать:

– Я вернусь, честью своей клянусь, я обязательно вернусь, и все понесут кару за эту несправедливость!

Дальше ему говорить не дали, один из конвоиров ударил его мечом в ножнах по голове, и уже дальше они потянули бесчувственное тело.

А потом для Дарка начался ад: в его камеру стали пропускать старшего брата Крава, перед этим несколько человек, навалившись, связывали Дарка. А тот, войдя в камеру, бил его ногами, нисколько не заботясь о том, будет жить избиваемый им или нет.

– Вернешься, говоришь, и кары тут нам обещаешь? Это тебе будет уроком на долгую память, прежде чем надумаешь возвращаться, вспомни, – приговаривал истязатель.

– Тебя, гаденыш, я убью первым! – орал Дарк, выплевывая кровь разбитым ртом, но это только бесило истязателя.

И так продолжалось неделю, а потом Дарк смог кое-как изловчиться и ударить двумя ногами в низ живота истязателю. Тот отлетел к стене, ударился об нее и остался лежать. В камеру залетели тюремщики, которые связывали Дарка, и принялись осторожно вытаскивать из камеры посетителя. Видно, хорошо Дарк приложил его: больше тот не появился, а через пару дней Дарка передали в колонну таких же несчастных, как и он, и погнали в сторону гор.

Глава третья

Осенняя прохлада пробирала до костей, слава Спасителю, что у него не отобрали в тюрьме ни куртку, ни пояс, даже не поинтересовались, что там. Медальон он сразу спрятал в каблук сапога, оторвав устилку, хорошо, что деньги он спрятал раньше, сейчас, правда, он их переложил в пояс. Те, что были в кошеле, само собой, пропали, как ему сказали, в качестве «оплаты услуг судьи и прокурора». Плохо только то, что он в шестнадцать лет уже каторжанин, а что будет в восемнадцать? Законченный убийца? Нет, надо было сразу в пираты подаваться. И Дарк невесело засмеялся своей шутке.

Ссадины и синяки постепенно сходили, одно время все лицо Дарка было разноцветным: красно-коричневые ссадины, покрытые подсыхающей коркой, сине-фиолетовые синяки и те же синяки уже желтые. Охрана, смеясь, звала его разноцветным, но, с другой стороны, прямо удивительные вещи произошли. Так что он имел немного денег и при случае мог себе кое-что купить через конвой, который гнал каторжников на рудники. Цены они ломили просто аховские, но деваться-то ведь все равно некуда. Идти им долго, еще целый месяц, мало ли что понадобится. Шли они, скованные попарно кандалами. В паре с Дарком шел старик, когда-то он был коренастым и довольно сильным, но годы и невзгоды жизни взяли свое. И сейчас это был старик с изрезанным морщинами лицом, уже не мощный, еле передвигающий ноги, но еще умудряющийся шутить на привале.

– Зря меня эти торгаши на каторгу отправили, могли бы устроить просто казнь на площади, еще и билеты на нее продать, вот нет у них никакой торговой жилки, – он начинал смеяться, смех обычно переходил в кашель и, откашлявшись, старик, кое-как перекусив, ложился и спал.

Звали его Симор Кубил. Ели они то, что готовили сами по очереди. Каждый вечер из следующего с ними обоза выдавался котел, немного крупы и даже немного старого прогорклого жира неизвестного происхождения. И пара кандальников начинала что-то варить, некоторые по пути следования собирали по возможности какие-нибудь корешки и травы и добавляли их в котел. Другие просто все бросали в котел и ждали, когда разварится крупа. Поэтому и питание было разным по вкусовым качествам, лишь одно было всегда одинаково – еды было мало.

Но последнее время старик сдал, он уже еле доходил до вечернего привала, Дарку иной раз приходилось тащить его на себе. От плохого питания и Дарк стал уставать и терять силы. Но деда почему-то тащил, невзирая ни на что. Сегодня старик, дойдя до привала, упал и даже не стал привычно шутить, его била крупная дрожь, и сам он был горячим.

«Плохи дела», – думал Дарк. Уже многие в их колонне болели, все-таки ночевки на холодной осенней земле дали себя знать. Осторожно порывшись в поясе, чтобы никто не видел, и достав несколько медных монет, он подозвал одного из конвоиров и, протянув монеты, попросил его купить травы, которые он скажет. За эти деньги можно было купить воз сена, а не пучок трав. Конвоир деньги взял и пообещал помочь. Отношения с конвоем были нормальные: те не срывали зло на каторжниках, просто потому что тут не было откровенных бандитов и разбойников. Кто-то не вовремя задолжал деньги, кто-то по пьяной лавочке набил морду более состоятельному, кто-то поломал руки или ноги, а то и чем-нибудь проткнул повадившегося к его жене. Старик был загадкой: он постоянно молчал, лишь изредка шутил и на этом все, да и в этапе мало кто рассказывал о себе. Конечно, не бывает без исключений, был тут один, который постоянно кого-нибудь шпынял, но делал он тоже это нечасто, только когда его взгреет за что-нибудь сержант. Остановились они сегодня у небольшого городка, и старший над конвоирами объявил, что они задержатся тут на пару дней. Кандальники обрадовались, понимая, что они могут выспаться и немного восстановить силы.

Через некоторое время Дарку передали то, что он просил, и он принялся заваривать травы: заварил, остудил и принялся поить старика. Настой был горький и вязал во рту, он очень хорошо помогал от простуды, лихорадки и вообще укреплял организм. Учитель не зря его учил всем премудростям солдатской жизни, а не только маханию мечом. Старик пил, хоть и кривился. Дарк его понимал: хорошего в горьком питье мало, но он и сам хлебнул ради профилактики. Старику полегчало, утром Дарк его еще раз попоил и так весь следующий день поил деда и пил сам.

– Зачем ты это делаешь? Мне ведь все равно недолго осталось, – спросил его старик.

– Сколько бы ни осталось, просто мне тяжело видеть, как ты мучаешься.

– Спасибо тебе, сынок, пусть Спаситель будет к тебе снисходителен.

– Давай мы с тобой наломаем лап с ели и подстелем на землю, нам тут еще сутки находиться, все не так холодно будет.

Чем они и занялись, предварительно сообщив конвою о своих действиях.

Старика за эти несколько суток он подлечил, и поначалу тот вел себя довольно бодро. Но все-таки давали знать себя и годы, и усталость. Затем снова началось то же, что и прежде, Дарк тащил его на себе. Как-то вечером, когда они уже легли спать, старик приблизил свои губы к его уху и стал шептать:

– Ты, сынок, не думай, что я выдумываю или сошел с ума, но то, что я тебе сейчас расскажу, – это истинная правда.

В свое время я был таким же, как и ты, – молодым, сильным и веселым. Скажу честно, законы я чтил не очень, а жил я в небольшой рыбацкой деревушке Соленый Ветер на северном побережье Лазурного моря в герцогстве Марвел. Вот однажды у нашего пирса и пришвартовалась шхуна пиратов. Надо было им поправить такелаж да подремонтировать немного корпус. Улучив момент, я и пристал к капитану пиратов с просьбой взять меня с собой. А люди им были нужны, в последней схватке потрепал их королевский корвет. Так я и оказался среди пиратов.

Старик замолчал, переводя дух, ему уже было тяжело даже разговаривать, передохнул, а потом продолжил:

– Много я покуролесил, помотался по свету, много видел и удивительного, и обыденного, и добра, и несправедливости. Да и сам не отличался благодетелью, много душ загубил, и руки мои в крови невинных. Но однажды наша шхуна нарвалась на два королевских фрегата, и пришлось принимать бой. Бились мы до самой ночи, сильно нас потрепали, правда, и мы в долгу не остались. Но как только стемнело, попытались мы оторваться, и нам это почти удалось, да только попали мы в шторм, который шел полосой. Я ведь до этого в штормах бывал и всякое видал, а тут испугался. Стала наша шхуна тонуть. «Все, – подумал я, – пришла тебе, Симор, расплата за твою жизнь и за жизни, которые ты отобрал». Взмолился я Спасителю, что, если жив останусь, завяжу с пиратством, и еще много чего обещал, сейчас уже всего и не помню.

Шхуна утонула быстро, а мне, когда я оказался в воде, подвернулся кусок сломанной мачты, ухватился я за него как за последнюю надежду. И стало меня носить по морю, как щепку, туда-сюда, так я и болтался целые сутки. Но в конце концов прибило меня к острову Скалистому, что в королевстве Кармина находится. Вот рядом оно, за горной грядой, и выход к морю у них есть. На троне у них сидит королева, да и вообще бабы у них на первых ролях.

А на остров тот так просто и не забраться: не зря его Скалистым называют, у него скала почти по всему периметру идет. Но прибило меня к этому острову как раз со стороны скал, а волны бьются о скалы страшно, ну, думаю, не утоп, так о скалы разобьет. Разогналась моя мачта и летит на скалы, я от страха и глаза закрыл. А потом слышу, шум волн как-то стал сзади слышаться, я глаза-то открыл, смотрю, а тут такая небольшая бухточка, и ведет она прямо в подводный грот. Вот меня туда течением и занесло. А там пещера довольно длинная под этим островом и почва твердая. Давай я руками грести, подплыл и выбрался на землю. Хоть сил и мало было, но решил обследовать, куда же я попал, и, представь себе, увидел я сокровища

несметные, даже страшно мне стало. Кто их туда натаскал и запрятал, я не ведаю, но, видно, давно лежат – все в пыли. И золото, и серебро, и каменья всякие. Взял я немного монет золотых, в пояс насовал, а куда еще брать? А тут отлив начался, выбрался я на своей мачте, смотрю – баркас рыбацкий в стороне, давай ему махать да кричать. Подобрали меня рыбаки да и вывезли на берег.

С пиратством я с тех пор завязал, в храме огромную свечу Спасителю поставил, да вот не смог я больше добраться до тех сокровищ, и даже рассказать никому не мог. Словно что-то мне говорило, мол, молчи, не время кому-то рассказывать. А тут еще узнал меня кто-то из ранее ограбленных пиратами, и погнали меня на каторгу. Я, конечно, бежал и стал пробираться к морю – меня снова поймали, снова бежал и так пять раз, вот последний раз уже не убегу, сил уже нет. А тут что-то давит на меня, словно требует, чтобы рассказал я все тебе: «Расскажи мальцу, расскажи мальцу!»

Заодно еще душа болит почему-то, вроде бы и давно это было, и я даже забыл и не вспоминал все это время, но недавно приснилось мне во сне, и теперь не могу, давит. Я ведь перед тем, как с пиратами уплыть, встречался с одной девушкой, звали ее Ликой. И однажды призналась она мне, что непраздная она, вроде бы носит под сердцем моего ребенка. Да я только отмахнулся от нее, мои мысли уже были далеко в море, с пиратами… А вот сейчас болит душа и за нее, и за того, кого она родила. Если вдруг получится у тебя все, помоги им, прошу. И ты знаешь, вот рассказал я тебе, и прямо легко так на душе стало, словно очистил я ее. Вот тебе еще кое-что… Думаю, пригодится, – старик сунул что-то твердое и холодное в руки Дарку и, отвернувшись, засопел, засыпая. Дарк, не глядя, сунул то, что дал старик, в голенище сапога, решил: «Завтра погляжу», и тоже заснул.

Утром оказалось, что старик ночью умер. Он лежал с таким спокойным выражением лица, словно спал, а все его проблемы и страхи ушли и его больше уже не волновали. Пришел старший конвоир и открыл замок кандалов, отстегнул старика от Дарка.

– Сегодня пойдешь сам, а там посмотрю, к кому тебя приковать. Будешь себя хорошо вести, так и дойдешь один, и никого на себе тащить не придется, – хохотнул конвойный.

День был пасмурный и холодный, сапоги давно уже у Дарка расползлись и просили каши, он подвязывал их периодически веревочками, которые плел из травы или лыка. Вечером на стоянке он осторожно осмотрел, что ему сунул старик, – это был ключ от кандалов.

«Ничего себе, старый каторжник все предусмотрел, лишь возраст и здоровье нельзя было предусмотреть. А что же мне теперь делать? И тянуть ведь нельзя, если вдруг завтра кого пристегнут, уже сложней бежать будет. Значит, сегодня, будь что будет. Решено!»

Дарк ждал, когда заснет лагерь, потом еще выжидал некоторое время, хоть и в сон клонило ужасно. И только в волчий час ночи осторожно отстегнул кандалы. Стараясь не издать ни одного звука, тихо их снял и двинулся к посту конвоиров. Обычно там дежурил один, остальные дрыхли, также устав за день, хоть и двигались они на лошадях, в отличие от каторжан, которым приходилось все расстояние мерить на своих двоих. Тот тоже дремал, положив голову на руки, и дремал крепко, потому что не слышал, как Дарк к нему подобрался. Дарк примерился и ударил его кулаком в висок, конвоир всхлипнул, дернулся и завалился на бок. Так же осторожно Дарк снял с убитого сапоги, меч и кинжал, подобрал лежащий рядом арбалет и с бьющимся сердцем, так что кровь шумела в ушах, двинулся в сторону от лагеря каторжан. Отойдя где-то на километр, он переобулся, сапоги были немного великоваты, ну да не беда, повесил на пояс меч и кинжал, закинул арбалет и сумку с болтами за спину и побежал.

Бежал он долго и, когда уже совсем не осталось сил, упал под какой-то куст и стал прислушиваться и осматриваться. Надо было хоть немного перевести дух и подумать, куда идти. Отдыхал он не более получаса, а потом снова отправился в путь. Сто метров быстрым шагом, сто метров бегом. Да, за эти несколько месяцев, начиная со дня его похищения, он заметно ослаб от плохого питания и постоянной нервотрепки. Но как бы ни было себя жалко, а надо

бежать – через боль, через силу. Дарк двигался вдоль горной гряды, из географии он помнил, что она выходила к морю.

«Правда, там меня скорей всего и будут искать», – вдруг подумал он. От этой мысли, возникшей так внезапно в голове, он даже остановился.

«А если попытаться перебраться через горы, – думал он, – но на всех перевалах стоят крепости и посты пограничников». В нем словно спорили два человека в поисках правильного действия.

«Но ведь как-то ходят те же контрабандисты. Да, но я ведь не знаю ни троп, даже дорог на перевал не знаю. Что же делать… А если положиться на удачу? В общем, идем в горы, а дальше будет видно».

И Дарк резко повернул и направился к подножию гор. Вот они, вроде бы рукой подать, но даже до предгорий идти пришлось почти полмесяца. Пока они шел, убивал из арбалета сусликов, которыми кишела степь, и ел их сырыми. Первый раз его даже стошнило, но он настойчиво продолжал давиться жирным, теплым и сырым мясом.

На второй день он случайно натолкнулся на берга. Был тот еще молодым и не очень опытным, да еще кто-то его сильно потрепал. Берги были похожи на пещерных львов без гривы, имели короткий хвост и были очень сильны. На человека нападали лишь в некоторых случаях, когда он им угрожал, но специально не охотились и, если человек не имел намерения причинить им зло, то они, даже находясь рядом, ничего ему не делали. У него было разорвано ухо и повреждены мышцы на задней ноге, идти он мог, поджав ногу, вернее, ковылять, а вот охотиться – нет, даже несмотря на то, что берги ничем не пахли абсолютно и ночью видели так же, как днем. Поэтому было видно, что он сильно исхудал, еще немного – и мог бы умереть от голода. Этим огромным хищникам надо было много питания, они имели огромные клыки и когти и в основном охотились ночью. Убить их было не просто: начиная от нижней челюсти и до самого хвоста шел хитиновый панцирь, который непросто было пробить. А спину, бока и морду укрывала мягкая светло-коричневая шерсть с большими желтыми пятнами, вот только и ее пробить было проблематично. Убить его можно было, только попав в одну точку за черепом, там находился нервный узел, попав в который, охотники обездвиживали берга, и тогда можно было его добить или вообще делать, что хочешь. Но на бергов почти не охотились. Нет, конечно, были авантюристы, но, во-первых, бергов было очень мало, а во-вторых, его еще надо было выследить, и вот в это время охотник или охотники могли сами превратиться в добычу. Бергам приписывали много такого, во что верилось с трудом: что они могли понимать человека и выполнять его просьбы или команды, что если берг запоминал человека, то даже через много лет он его узнавал. Дарк вначале испугался, он первый раз видел этого страшного зверя и растерялся, но потом увидел, что берг не собирается нападать, и, разглядев его состояние, успокоился.

Вначале Дарк хотел просто пройти мимо, но, взглянув в очередной раз на берга, поймал его взгляд, полный тоски, и пошел охотиться на сусликов. Потом кормил берга и ел сам, вначале тот рычал и делал угрожающие движения.

– Давай, рычи, тогда так и останешься голодным. Вы посмотрите на него, ему свежее мясо подают, а он тут еще ворчать будет, – бормотал Дарк, подсовывая палкой свежедобытого суслика. – Ну и что, что мало, где я тебе тут антилопу найду, да и некогда мне, идти надо, а я тут с тобой время теряю.

Затем Дарк снова ушел охотиться. С бергом он потерял целые сутки, пока тот смог подняться и идти, вернее, ковылять. Так они и шли: Дарк впереди, а берг ковылял сзади. Первое время Дарк опасался и думал, что берг преследует его, чтобы напасть и съесть. Но тот больше не проявлял агрессии, а однажды ночью Дарк проснулся оттого, что ему было очень тепло. Проморгавшись со сна, он увидел, что с одной стороны лежит берг и греет его своей тушей.

Чтобы как-то к бергу обращаться, он назвал его Суслик и всю дорогу, сколько шли, так его и называл. В конце концов, тот даже стал откликаться на кличку.

Так они и брели вдвоем к этим горам, берг заметно оправился от своего недуга и уже уверенно наступал на лапу, и спали они теперь вдвоем, прижавшись друг другу. Конечно, идя один, Дарк уже бы достиг гор, но ему не хотелось бросать берга, он даже гордился тем, что его попутчиком был такой зверь. Наконец они достигли предгорий.

Войдя в небольшой лес, растущий у подножия гор, Дарк решил немного отдохнуть: тут и родничок бежал, да и сил уже просто не было. Первым делом после того, как вдоволь напился, он разделся и, спустившись по ручью, бежавшему из родничка, обмылся как смог, но и это придало свежести телу и сил. По дороге сюда он совершенно случайно подобрал кусок камня, похожего на кремень, и на привале, ударив им по плоскости кинжала, высек сноп искр. Дарка это чрезвычайно обрадовало, но разводить костер там, в степи, он не стал, боясь выдать себя дымом. А вот в этой роще он решил попробовать развести костер. Долго искал, но нашел сухой мох, собрал сухие травинки, тоненькие сухие веточки и решил попробовать. Спасибо сержанту, в который раз уже вспомнил Дарк учителя, он ведь его не только мечом учил махать, а тренировал и рассказывал, и как костер развести, и как силок поставить. Да много чего за десять лет учебы Дарк от него узнал.

Вот и сейчас, молотя по кинжалу камнем, он внимательно наблюдал. Наконец мох затлел, и Дарк стал раздувать его и подкладывать сухие травинки и веточки. Вот первый язычок пламени лизнул несмело веточку, вот уже палочку побольше, и через некоторое время весело горел костер. Берг внимательно смотрел, что он делает, потом фыркнул и куда-то побежал. В дороге Дарк настрелял сусликов и сейчас принялся их разделывать, нанизывая на заготовленные прутья, развешивая над костром. Конечно, попотеть Дарку пришлось во время охоты: зверек-то небольшой, да и пугливый, попробуй попади. Правда, в этих местах они совсем не пуганые и жирные, каждый чуть менее двух фунтов, но все равно слишком близко не подползешь. Но теперь он решил зажарить себе трех и нормально поесть, а остальных берг сырыми сожрет и не подавится.

Когда потянуло дымком жарящегося мяса, Дарк давился слюной, но решил есть только прожаренное мясо, хватит уже, как дикому зверю, питаться сырым и с кровью. Наконец он решил, что все готово, снял первую тушку и принялся, обжигаясь, глотать горячее и такое вкусное мясо. Проглотив первую тушку и утолив первый голод, он неспеша стал есть вторую. За все последнее время желудок у него ссохся, и вторую он уже доел через силу. Последнюю тушку Дарк, срубив ветку на дереве, под которым сидел, надел на сучок.

Берг появился совершенно бесшумно и принес небольшую косулю.

– Ну, теперь ты совсем здоров, охотиться можешь и с голоду не пропадешь, только больше ни с кем не дерись, пока не вырастешь. А то снова в переделку попадешь, а меня рядом не будет, – и Дарк автоматически погладил Берга и, уже совершая действие, испугался, что берг может одним движением отхватить ему руку. Но тот никак не отреагировал на прикосновение Дарка, только зевнул, открыв пасть, а потом лизнул руку Дарка.

Насобирав хвороста, чтобы подкидывать ночью, он, наконец-то сытый, впервые за несколько месяцев спокойно уснул. Несколько раз просыпался, чтобы подкинуть хворост в костер, и снова засыпал. Берг, как всегда, спал рядом, и, несмотря на осенний холод, ночами Дарку было тепло и даже жарко.

В этом леске он провел несколько дней: жарил мясо, которое приносил берг, отъедался и отсыпался. Рыскал по округе и в двух километрах от стоянки нашел накатанную дорогу в горы, наверное, ведущую на перевал и пост пограничников. Он прекрасно понимал, что сидеть тут не имеет смысла. Надо уходить в королевство Кармина, потому что тут он – преступник, любой его может убить или, поймав, снова отправить на каторгу. Напившись перед дорогой, Дарк поднялся: как не хотелось ему отсюда уходить, но он понимал, что задерживаться тут не стоит.

– Ты со мной пойдешь? – спросил он берга. – Ну, смотри, не хочешь – оставайся, а я пойду, – и начал потихоньку подниматься в горы по найденной дороге.

Первую ночь он спал в небольшой расщелине, ужасно мерз и утром, проснувшись, побыстрее отправился снова в путь, чтобы хоть как-то согреться. Старая и уже ветхая одежда не грела, а больше у него ничего и не было. На третий день пути он подстрелил большого горного козла, тот долго не хотел умирать и прыгал, прыгал, пока не свалился в узкую расщелину. Правда, огромные рога не дали провалиться ему полностью, и он висел, зацепившись рогами. Дарк с трудом его вытащил и принялся разделывать. Насобирав веток, он развел костер и принялся жарить на камне мясо, отрезая его тонкими полосками. Мясо было жестким, но молодым зубам это не было помехой. Так как уже была ранняя осень и ночи были холодные, а дни еще жаркие, то влагу он слизывал рано утром с камней, но этого было мало, и он постоянно страдал от жажды. Шкуру он аккуратно снял и принялся чистить ее от мяса и жира. Затем долго тер ее камнями, какая-никакая, а одежда. Чем выше он поднимался в горы, тем холодней становилось. Он таскал эту шкуру, пока не добрался до перевала. Ночью она все-таки хорошо согревала, правда, очень воняла, но Дарк за это время уже и не к такому притерпелся.

Наконец он вышел к посту на перевале – это был небольшой домик в стороне от дороги и будочка поста у самой дороги, в которой, по расчетам, могло поместиться не больше трех человек. Дарк наблюдал за постом целых два дня, периодически жевал полоски козьего мяса и смотрел, смотрел, пытаясь продумать способ перебраться. Делать было нечего, переходить придется в этом месте. Пару дней назад Дарк проверил свое оружие, подточил меч и кинжал, проверил тетиву арбалета. Он обратил внимание на то, что ночью в будке дежурили три пограничника и спали они по очереди. Днем их меняли еще три человека, и так все время. Службу несли спустя рукава. Плохо было только то, что обойти их никак нельзя было: с одной стороны – каменная стена и с другой такая же. Но, видно, Спаситель за ним наблюдал: в ту ночь, когда Дарк решил попробовать пробраться через пост, один из пограничников повредил ногу. Что уж он там делал, неизвестно, но вдруг раздался душераздирающий крик, и все переполошились, даже из казармы выскочили. К будочке потрусил офицер или старший поста, послышалась брань. И через некоторое время двое оставшихся пограничников потащили третьего на руках. Тот выл на одной ноте, рядом семенил офицер и во все горло материл остолопа. Дорога была свободной, и Дарк вначале потихоньку миновал будку поста, а потом все быстрей и быстрее побежал по дороге. Хорошо, ночь была лунная, и дорогу было хорошо видно, правда, Дарк держался в тени скал, но идти было нормально. Когда увидел пост королевства Кармина, он присел в тени, ожидая рассвета.

«Не стоит вызывать подозрение пограничников», – подумал он. Пока ждал рассвета, вздремнул и уже по светлому подошел к посту.

– Куда путь держим? – спросил его один из пограничников, остальные даже не посмотрели в его сторону.

– Да это я тут… – растерялся Дарк.

«Ну вот, кто мне мешал продумать, куда я иду», – ругал он себя.

– Да я это, к сестре.

– Знаю я этих сестер, – засмеялся пограничник, – ты давай или сам к нам перебирайся, или любовь свою к себе забирай, а то носишься туда-сюда. Ладно, проходи. Надеюсь, злого умысла против королевы и шпионских замыслов не имеешь?

– Что вы, что вы, господин пограничник, нет конечно, такое скажете!

За кого он принял Дарка, тот так и не понял, с кем он его попутал. Но, услышав, что разрешили проходить, так и рванул со всех ног подальше, а то опомнятся, документы проверять начнут, которых у Дарка и в помине не было.

Шел он до самого вечера, пока не уткнулся в городок под названием Далин, где и решил заночевать. При виде городка он выбросил из-за пазухи сушеное мясо козла, привел, как смог,

себя в порядок и вошел в ворота. На него никто не обратил внимания, и Дарк спокойно проследовал дальше в город. Спросил у прохожего, где тут постоялый двор, и направился по указанному маршруту. Порывшись в поясе, он нашел две серебряные монеты и одну золотую – это было все, что осталось из наследства капитана. Войдя в помещение, он замер на пороге, у него даже голова закружилась от запахов. Придя немного в себя и сглотнув слюну, Дарк огляделся и направился к стойке, за которой стояла симпатичная женщина средних лет и протирала кружки.

– Скажите, вы сдаете комнаты?

– Да, молодой человек, сдаем, – осмотрев его с головы до ног, ответила она.

– А у вас можно будет посетить мыльню и смогут ли мне постирать там вещи?

– Конечно, молодой человек, но за отдельную плату. На сколько вы хотели бы снять комнату?

– Ну… я даже не знаю ваших цен, не могли бы вы озвучит их порядок?

– Если вы снимите комнату с пансионом, это завтрак, ужин и проживание, это будет стоить вам четверть серебряной монеты.

– Хорошо, тогда я снимаю у вас комнату пока на три дня и ночи, вот оплата, – и Дарк положил серебряную монету.

– Вам дать сдачи? – спросила женщина.

– Вы же говорили, что за мыльню и стирку надо платить.

– Если вы снимите у нас комнату с пансионом на четыре дня, то все это для клиента бесплатно.

– Хорошо, я согласен, – заулыбался Дарк. Как же хотелось стать нормальным человеком, забыть боль, унижения, страх и наконец вымыться.

– Тогда вас проводят в комнату, а я побеспокоюсь, чтобы вам подготовили мыльню. Марта, проводи молодого человека в четвертую комнату, – прокричала она.

Откуда-то из-за спины женщины, по всей вероятности, хозяйки заведения, выскочила симпатичная молоденькая девушка.

– Прошу вас, господин, – проворковала она и пошла впереди, покачивая бедрами.

– Марта, я тебе что говорила, – вдруг раздался голос хозяйки. Сейчас в нем слышались стальные нотки.

– Ну мама, что ты начинаешь! – огрызнулась девушка, но тут же изменила походку и уже не так сильно покачивала бедрами.

Оставив в комнате меч и арбалет, Дарк спустился на первый этаж, и та же Марта провела его в мыльню.

– Можете отдать одежду, и ее сразу же постирают, а завтра уже наденете чистую и свежую, – проговорила она.

– Может, я отдам ее в своей комнате? У меня просто нет ничего другого. Не буду же я ходить голый, – ответил на ее предложение Дарк и отчаянно покраснел.

– Ну хорошо, как хотите, мойтесь, – и она, крутнувшись, вышла из помещения.

Дарк погрузился в горячую воду, ощущая настоящее блаженство. Он долго лежал, отмокая и перебирая в голове события последних дней. Потом, тщательно намылив мочалку, встал в ванной в полный рост и стал тереть тело. Вдруг кто-то вскрикнул. Он посмотрел в ту сторону, откуда раздался крик, и увидел стоящую Марту. Она вскрикнула, но этим и ограничилась, стояла и во все глаза пялилась на голого Дарка. Тот упал в ванну, выплеснув из нее часть воды.

– Прошу прощения, не ожидал вашего визита, – пробормотал он, злясь на эту девицу.

– Ой, да ладно, что я там не видела, – проговорила та и тут же покраснела. – Вот, возьмите, наденете, а завтра отдадите, – и она положила на место его одежды холщовые штаны и такую же рубашку.

– Благодарю вас, – проговорил смущенный Дарк.

После ванной казалось, что он стал легким, как пушинка. Надев простые грубые штаны, подвязав их веревкой и натянув чуть маловатую рубашку, он вышел в зал, присел в уголке почти рядом со стойкой и принялся ждать. Перекусив тушеными овощами с мясом, заев это пирогом с печенью и запив холодным фруктовым взваром, Дарк, счастливый и, как никогда за последнее время, сытый, отправился спать. Спал без сновидений и долго, проснулся, когда на дворе был уже день.

Глава четвертая

– Грав, ты слышал, что парень, который твоего чуть покойником не сделал, говорят, бежал с этапа? Убил нескольких конвойных дружинников и бежал. Да вроде бы сюда направился, говорят, он на суде всем обещал отомстить за несправедливость. Ты бы своих-то попрятал. Тибол-то отошел после удара? Смотри, конечно, сам, но будь осторожен, а то мало ли что, – участливо говорил отец Майлы, тоже член совета провинции.

Хотя в душе он готов был хохотать. Ни для кого не было секретом, как проходил суд и сколько это стоило Граву, отцу Крава и Тибола. А еще недоросль Грава пытается ухаживать за Майлой, а зачем, спрашивается, ему нужен зять-идиот? Когда он это узнал, тут же решил поговорить с дочерью откровенно. Та, почему-то решив, что отец пытается ее сватать за Крава, вдруг расплакалась и в сердцах сказала, что лучше она умрет, но за это ничтожество никогда не пойдет.

– Успокойся, родная, я совсем не хочу, чтобы ты за него выходила. А то будто я не знаю их семейку, не плачь, моя хорошая, – гладил он дочь по голове.

– Ты правда не хочешь, чтобы я за него шла? – сквозь слезы спросила дочь.

– Клянусь тебе памятью матери, – серьезно проговорил он.

– Ты у меня самый лучший, – бросилась ему на шею дочь.

Грав в это время ворвался в кабинет префекта.

– Говорят, что парень, который напал на моего младшего, бежал.

– Да, я знаю, я уже выставил посты на подступах к городу и во все портовые города направил его описание. Не переживай, скоро поймаем. Тебе-то что, тут судейским беспокоиться надо, – хохотнул префект. – Ладно, Грав, иди, дел у меня невпроворот, – и когда тот вышел, префект еще раз усмехнулся.

«Забегали… Интересно, а нельзя ли как-то с этого дела что-то поиметь», – подумал он и стал строить планы.

* * *

Умывшись в тазу с водой и надев пусть и старенькую, но чистую и пахнущую травами одежду, Дарк спустился в зал. За стойкой стояла Марта, в зале никого не было, и Дарк, немного робея, спросил, может ли он позавтракать.

– Да, конечно, присаживайтесь, сейчас подам вам. Вы желаете сытный завтрак, или так… легкий?

– Давайте сытный, – покраснел отчего-то Дарк.

Марта принесла ему кашу с мясом, вчерашний пирог с печенью да горячий шавер – местный бодрящий напиток. Поев, Дарк уже и расхотел куда-нибудь идти, на него навалилась сонливость, и он подумывал, не отправиться ли ему обратно в комнату и там поспать. Но пересилил себя и побрел на рынок: надо было приодеться, ведь впереди зима. Да и о какой-нибудь работе надо подумать и по возможности ее поискать.

Рынок шумел и поражал своим разнообразием. Здесь продавали и поздние фрукты, и хлеб, и его производные – булочки, пирожки всех видов и с разной начинкой, живность – коней, овец, коз, коров, много всякой птицы – и живой, и убоины. Найдя лавку с одеждой, он стал интересоваться ценами и качеством. Одежда тут была и новая, и подержанная – выбирай на любой кошелек.

Дарк взял себе новые холщовые штаны черного цвета, новые серую и синюю рубашки, подержанную, но почти новую куртку на меху и войлочную шляпу с большими полями. Зашел

в сапожную мастерскую, там ему заменили один каблук и поставили новые набойки, а так сапоги еще походят. Бывший владелец, видно, их совсем недавно приобрел. После всех покупок у него осталось еще целых шесть серебряных монет, а все покупки обошлись в пять серебрушек.

Дарк зашел в таверну, расположенную на рынке, съел два пирожка паршивого качества и вкуса с яйцом и луком, запив это сладким медовым напитком. Поспрашивал местных о найме на работу, но узнал, что есть места только в рыночной страже, у которой постоянная убыль состава, и решил все хорошо выяснить, что это за стража и стоит ли туда идти, если там постоянный дефицит кадров. Купив пару листов писчей бумаги и немного чернил, Дарк решил, наконец, написать письмо отцу и матери, чтобы они не волновались, что он жив, здоров и скоро приедет, когда, правда, точно не знает.

На постоялом дворе хозяйка встретила его приветливо и с одобрением посмотрела на куль с вещами, который он тащил. Сегодня он провел остаток дня, наслаждаясь бездельем. За ужином расспросил Лирону, так звали хозяйку заведения, о рыночной страже. Та махнула рукой:

– Если тебе предложили поступить в нее, то отбрось эту мысль. Конечно, решать тебе, но… Дело в том, что на рынке верховодит ночная гильдия, и все, кто ей не подчиняются, рано или поздно уходят из стражи.

– И что, никто не может этим занятся? Куда смотрит бургомистр?

– Да никому это не надо. У нас раньше хороший бургомистр была, да повысили ее, назначили в управление провинции, а нам оставили ее заместителя. Вот уже год такое вот безобразие творится.

Когда он попросил у Лироны гусиных перьев, та начала выяснять, зачем они ему нужны, подозрительно посматривая на него.

– Да я просто хотел письмо родителям написать, чтобы не переживали, что жив-здоров, давно не писал.

– Ой, а ты грамоту разумеешь?

– Да, знаю.

– Перьев я тебе дам, а не хочешь подработать? – заинтересованно спросила Лирона.

– Хочу, а как?

– А вот выделю я тебе стол, и будешь ты за небольшую плату писать людям письма, жалобы и прошения. На рынке есть такая лавка, так там всегда толпа стоит. Клиентов я тебе спроворю.

– Ну, попробовать можно, а какие цены?

– А вот представь себе десять медных монет. Лист полмедяшки да чернила – вот и все затраты, а скинешь цену, и у тебя от желающих отбоя не будет.

– Так почему вы до сих пор это не организовали?

Лирона вдруг замялась и покраснела, как девчонка.

– Да я сама в ней не очень, прочитать-то еще смогу, а вот писать… А Марта так вообще не ученая, считает, правда, хорошо. Вот думала нанять ей монашка, чтобы научил грамоте, да смеяться стали надо мной. На том и остановились.

Так что через день Дарк сидел за выделенным столом и ждал клиентов, которые себя ждать не заставили – в первый день он написал три письма и одно прошение. С того дня так и пошло: писал в среднем шесть-семь писем в день, иногда до десяти. Кроме того, его часто просили прочесть письма и ответы на прошения, переспрашивали, уточняли. Почти все, кто пришел писать письмо, ожидая своей очереди, что-то заказывали, и, соответственно, у Лироны увеличилась выручка, а с этого и прибыль. А после того, как он взялся учить Марту грамоте, ему выделили бесплатно комнату на чердаке с небольшим окошком. В комнате проходила печ-

ная труба, и Дарк, придвинув к ней кровать, спал в тепле, так как печь тушили поздно, а затапливали рано.

Зима пришла неожиданно. Однажды утром, выглянув в окно, Дарк увидел, что на земле лежит снег.

«Вот и зима, – подумал он. – Когда она пройдет, надо ехать домой и там предпринимать поход к острову за сокровищами. Там и отец поможет это организовать, и дружинники замка – люди проверенные. Или самому что-то тут предпринимать», – а как и что, пока было неясно и ему самому.

Письмо родителям он написал и отправил его через гильдию купцов, заплатив серебряную монету. В это время так и ходили письма: купец по дороге доставлял его в город, там письмо снова переправлялось другим купцом в нужную сторону и так до самого адресата. Сколько оно будет идти, никто не знает: ни тот, кто отправлял, ни тот, кто брался за доставку.

Все вроде бы было нормально, только отношения с Мартой доставляли некоторые проблемы. Та изо всех сил пыталась влиять на него: или пыталась затащить в постель, или даже сама не знала, чего ей надо. Часто принимала такие рискованные позы или, расстегнув несколько лишних пуговиц на лифе платья или кофты, совала его чуть ли не под нос Дарку. Парень, конечно, реагировал на это соответственно, и это выбивало его из колеи. Законы в королевстве были своеобразные: стоило девице заявить, что ты с ней переспал, да еще с непорочной на момент соития, и тебе волей-неволей приходилось жениться на ней, а за обман хоть с той, хоть с другой стороны или отказ жениться – каторга. Большой популярностью у молодых дворян пользовались увеселительные заведения, правда, и цены на услуги там были бешеные. Вот Марта и пыталась его соблазнить всеми силами. Однажды он все-таки не удержался и потрогал ее грудь.

– Ну как, понравилось? – спросила его Марта. – А ведь мог бы давно получить еще больше, может, даже все.

«Ну уж нет, – думал Дарк, покраснев, – только не это. Жениться мне рано, да я и не хочу, у меня немного другие планы, а на каторгу тем более не хочу».

После этого случая Дарк старался не оставаться с ней наедине, чтобы не попасть впросак. Марта постепенно усваивала грамоту, уже читала по слогам и даже писала. Лирона была очень этому рада и старалась угостить Дарка чем-то вкусным. Иногда Дарк помогал Лироне сводить баланс расход-приход. Считал он довольно быстро, и на все это у него уходило полдня, а Лирона иногда это же считала неделями. Так он и жил, ожидая весны, спокойно и размерено, даже тренировался потихоньку на заднем дворе. За время, проведенное на постоялом дворе у Лироны, Дарк еще больше подрос, раздался в плечах и заметно возмужал, спокойная и сытная жизнь дала себя знать, да ведь и рос он еще. Как-то у пьяного отставного солдата он почти за даром приобрел шлем и хорошую кольчугу, на ней дополнительно были прикованы стальные пластины на груди, животе и плечах. В жизни пригодится, решил Дарк. Его тяготили его обязанности, и он уже думал пойти в базарную стражу или как-нибудь прибиться к городской страже. Но все это пока было только мечтами.

* * *

– Нет, мама, я не хочу даже думать сейчас об этом, мне от одного взгляда на всех этих кавалеров становится дурно. И на женщин меня тоже не тянет, так что успокойся. Мне только недавно исполнилось шестнадцать, а ты уже советуешь «присмотреться к юношам, меня окружающим», – передразнила ехидным голосом Франческа Ланская, принцесса королевства Кармина, младшая дочь королевы государства Кармина, Сальвы Мистель Ланской. – Кроме того, у тебя есть наследница, вот и требуй от нее внуков, а от меня отстань.

– Вот был бы жив твой отец, он бы тебя застав… – договорить королеве не дали, руки дочери обняли ее, Франческа прижалась к матери.

– Мам, ну что ты говоришь, ты же знаешь, как папа любил меня и никогда бы он не заставил сделать что-то, чего я не хотела.

– Вот ты и пользуешься этим и из меня веревки вьешь. Эх, Эрик, Эрик, как же тебя сейчас мне не хватает, – с болью в голосе проговорила королева.

– Мам, ну успокойся, придет время, и я приведу к тебе своего будущего мужа, устрою вам обоим смотрины. А сейчас я не готова это даже обсуждать, – принцесса чмокнула королеву в щеку и побежала к двери кабинета.

Уже в дверях кабинета она обернулась.

– А ты правильно поступила, что начала проверки провинций и городов. Надо их трях-нуть, может, меньше воровать будут. Как хочешь, а я завтра также уезжаю с проверяющими, очень хочется вникнуть во все самой, – и пока королева думала, что ей ответить, принцесса послала ей воздушный поцелуй. – Я очень люблю тебя, мамочка, – проговорила она и скрылась за дверью.

– Иди уж, подлиза, – засмеялась королева.

И когда за юной принцессой закрылась дверь, она оперлась головой на руки, приподнятые на локти, и задумалась.

«Как все же быстро растут дети! Вот эта кроха уже совершеннолетняя, очень красивая девчонка. Ну, характерной и настырной она была всегда и всегда умела настоять на своем. Эрик ее очень любил, да он вообще любил дочерей, но младшую выделял… Эх, Эрик, Эрик, – снова тяжело вздохнула она, – ну зачем ты полез в атаку на пиратов, ведь видел, что у них три корабля против твоего одного. Боялся, что в трусости обвинят – жена, мол, королева, зачем ему геройствовать и погибать. И что ты кому доказал? Ну победил ты, утопил два корабля, а один взял в плен, а сам погиб, ты герой, а обо мне ты подумал? Как мне жить, как ложиться в холодную постель и просыпаться на мокрой от слез подушке?»

Постучавшись в дверь, в кабинет вошел секретарь.

– Ваше величество, к вам старшая дочь.

– Пусть войдет, – нагнувшись и перекладывая на столе какие-то документы, чтобы сек-ретарь не видел слез, проговорила она.

Дочь, Лиона, неспеша вошла в кабинет. Она была на три года старше Франчески.

– Здравствуй, мама! – проговорила она и, увидев слезы на глазах матери, спросила: – Ты снова вспоминала папу? Но так же нельзя, прошло уже шесть лет, а ты все плачешь.

– А как можно? Вот если бы твой Матео так вот… – королева не стала произносить слово «погиб», но это и так было ясно, – как бы ты себя вела?

– Не знаю, – пожала плечами Лиона, – но, по крайней мере, не убивалась так, как ты. Мам, ты не могла бы увеличить денежное содержание, пока мы живем во дворце и наш дом в столице ремонтируют? Матео расстроен, что нам вечно не хватает денег.

– Твой Матео вместо того, чтобы заниматься делом, проигрывает деньги, что я тебе даю, в заведении мадам Альфины. Ты знаешь, что это за заведение?

– Нет, – удивленно проговорила Лиона.

– Так вот, это заведение, где играют в карты и в другие игры на деньги, а также проводят время с распутными девками и другими прелестями великосветской жизни, такими как пыльца лотоса и симарские травы. Да, он не интересуется пока, еще раз повторю – ПОКА, девицами, видно, ему хватает и тебя. Но надолго ли это? Благодаря тебе его и его родителей я вытянула из нищеты, куда их загнал такой же игрок, как и он, – его отец. Оооо, Спаситель, ну где была твоя голова? Как же я не хотела этого союза! Тоже мне, князья эну Вальдо, – королева скривилась, как от лимона.

– Мама, но я правда не знала этого! Он говорит, что постоянно покупает то снаряжение, то еще что-нибудь, я ничего не понимаю в этих воинских штуках. Я с ним сегодня же поговорю.

– На те деньги, что он проигрывает, уже можно было снарядить его полк королевских кирасиров. Не надо ничего говорить, завтра им огласят приказ, и его полк отправится на границу с республикой, вот пусть проветрится в горах немного. Командир полка уже получил лично от меня указание, чтобы капитана Матео эну Вальдо отправили на самый трудный участок и никаких поблажек. А ты немного отдохнешь, развеешься, – затем голос королевы стал колючим и холодным, – и запомни: королева такой, как ты сейчас, не бывает! Ты должна контролировать все, а ты собственного мужа проконтролировать не можешь. Все, иди, отправишь служить суженого, приходи. Денег, конечно, дам.

«Вот ты посмотри, сестры из одного чрева вышли, но если бы я их сама не рожала, то сказала бы, что они от разных мужчин или матерей, так нет же, а какие разные», – думала королева, глядя вслед ушедшей дочери.

Додумать ей не дали. В кабинет без стука вбежал канцлер, старика трясло, и он был ужасно бледен.

– Ваше величество, убит посол Польма, Тудор гардар Лаша. Что произошло, пока не ясно, но у посла в кулаке был зажат оторванный жетон нашей тайной службы. Посольство уже отправило голубя в свое королевство, – канцлер замолчал, тяжело переводя дух.

Королева замерла, погрузившись в свои мысли. Как же все не вовремя, теперь это уж точно война. Королевство Польма бедное, но до умопомрачения воинственное, последнее время еле удавалось сдерживать их агрессию. Нет, королева не боялась войны, она ее не любила, да что там говорить, просто ненавидела. Как любая женщина и мать, она понимала, что это сотни убитых и покалеченных молодых мужчин, что это обнищание простых сервов, увеличение числа сирот, а также разбойников на дорогах.

– Вызови ко мне начальника тайной службы, коннетабля, казначея и начальника стражи столицы, – приказала она своему секретарю. – Присаживайтесь, князь, – любезно предложила она канцлеру, – нам сейчас надо многое с вами обговорить и решить. Даже если это война, мы должны встретить ее во всеоружии. Я хотела завтра отправить полк синих драгун на границу с Республикой, но теперь думаю отправить его к границе с Польма.

* * *

Дарку уже давно надоело сидеть и писать письма, все-таки его молодая деятельная натура требовала чего-то другого, и он все-таки решил пойти в базарную стражу.

«Будет невмоготу – уйду!» – думал парень, направляясь в мэрию. Там его немного опросили, долго допытывались, почему он решил быть стражником на рынке. Дарк вежливо отвечал на вопросы и делал вид, что абсолютно несведущ в том, что творится с этой стражей, упирая на то, что решил подзаработать. Опросив, его представили начальнику стражи, жирному, с заплывшими глазами и сломанным носом. Тот посмотрел на своего нового стражника и, черкнув несколько строк на листке бумаги, направил его к каптенармусу экипироваться. Заведующий хозяйством базарной стражи был, в отличие от начальника, человеком худым, каким-то дерганым, с бегающими глазами. Он выдал Дарку слежавшуюся кожаную бронь с трещинами на боках.

– Ты ее маслом смажь, пусть пару дней полежит и будет как новая, – говорил он, нисколько не смущаясь.

Затем Дарк получил меч, тронутый ржавчиной, из отвратительного железа и сожаление каптерщика по поводу отсутствия шлема.

– Нет, даже не знаю, что делать, – сокрушался он. – Правда, там есть один, но это шлем самого начальника. Как быть, не знаю, – но его продувная морда, говорила, что за мзду он найдет, что хочешь.

Покрутив экипировку в руках, Дарк поинтересовался, а может ли он служить в своей.

– Ну, тут сказать ничего не могу, как такового запрета нет, хотя многие что-то докупают или улучшают, смотри сам, – скривился каптерщик, поняв, что ему ничего не обломится.

Дарк подумал и взял все, что ему выдали. Правда, на службу он надел свою кольчугу и шлем, взял меч охранника каторжников – тот был лучше сбалансирован и качественней сделан. Первую седмицу он и десяток таких же, как он, дежурили днем, следили, чтобы не было драк, гоняли нищих, чтобы не мешали торговле, в общем, следили за порядком.

Неприятности начались, когда их десяток перевели нести службу ночью, охраняя лавки торговцев от грабежей, поджогов и других безобразий. Дарку объяснили, что почти все торговцы платят дань ночной гильдии, а тем, кто не платит, лавки периодически грабят, самым непонятливым – жгут. Но таких почти нет.

В первую ночь при обходе он заметил темные тени возле одной из лавок. Тихо подойдя, он увидел, что несколько человек пытаются выломать дверь, чтобы проникнуть внутрь. Дарк поинтересовался, что происходит, и получил очень грубый ответ убираться. На что он вынул меч и плашмя огрел говорившего по голове так, что тот потерял сознание. Остальные грабители оторопели и, прекратив ломать двери, уставились на Дарка.

– Ты знаешь, кого ударил? – спросил один из них Дарка.

– Вора и грабителя. Я и поставлен тут на охрану, чтобы не давать таким волю. Предлагаю забрать подельника и убираться от сюда.

– Хорошо, мы уйдем, но тебе это просто так не пройдет, так что ты сделал большую ошибку, – ответили ему и, подхватив так и не пришедшего в себя подельника, постарались быстро удалиться.

Рассказав о происшествии десятнику, Дарк заметил, как тот нахмурился и даже немного побледнел.

– Да… Надо было мне сообщить что ли, прежде чем что-то предпринимать, – пробурчал тот.

– А чего тут такого? Вы думаете, воры выстоят против вооруженной мечами стражи? Да тут можно давно навести порядок, почему все боятся?

– Ты молодой и ничего не понимаешь, – ответил ему десятник, – тем более приезжий, а у нас тут семьи, дети, родители. А это отребье ни перед чем не остановится, могут и дом поджечь, и ребенка убить или похитить, да что угодно сделать могут.

– Ну, а если обратиться к власти?

– К власти, говоришь, – подняв на него глаза, проговорил десятник и, понизив голос почти до шепота, продолжил: – Да они это все и покрывают, или ты не знал?

Дарк был ошарашен открывшейся правдой и уже пожалел, что, не посоветовавшись, влез в это дело. А с другой стороны, его просто корежило от того, что надо идти на сделку со своей совестью и бандитами.

«Ну уж нет, я не поддамся», – думал он, а вслух сказал:

– Тогда скажешь, что ни ты, ни другие ничего не знали, а все я совершил по собственной инициативе.

Поняв, что в покое его не оставят теперь, Дарк стал готовиться. Поэтому он вынес и припрятал недалеко от постоялого двора кое-какую одежду, арбалет и немного припасов.

Два дня, вернее, ночи ничего не происходило, на третью десятник, придержав Дарка перед выходом на обход, предупредил:

– Смотри, со мной вчера говорили, что тебя попытаются наказать, будь осторожен: могут просто избить, а могут и убить в назидание другим. Я ничего не могу сделать, – не поднимая

глаз на Дарка, проговорил десятник, – даже предупреждать не должен. А теперь иди и смотри в оба.

После этих слов Дарка вначале бросило в жар, а потом пришло какое-то успокоение и трезвая, холодная оценка ситуации. Он вытащил кинжал и, зажав его обратным хватом левой рукой, спрятал лезвие в рукаве кольчуги. Он шел вдоль лавок, стараясь не выдать настороженность, но ловя каждый шорох, поэтому и услышал воров раньше, чем они стали действовать. Те притаились на крыше одной из лавок и, наверное, хотели прыгнуть на стражника сверху и, пока тот будет приходить в себя, убить его ударом кинжала в шею. Это Дарк узнал уже после, а сейчас он, услышав сверху шорох, отпрыгнул назад, выхватил меч правой рукой и увидел, как с крыши лавки спрыгивают несколько человек.

Раздумывать было некогда, и Дарк ударил сверху вниз, разрубая первого противника. Те не ожидали такого и на несколько мгновений просто растерялись, что дало возможность нанести еще удар и обратным движением снизу вверх поразить третьего вора. Двое оставшихся попытались удрать, но Дарк не дал им этого сделать: метнув кинжал, он убил еще одного, а догнав последнего, оглушил его ударом плоскостью меча по голове. Осмотревшись вокруг, он понял, что никто не обратил внимания на шум, пусть и небольшой, или сделали вид, что не обратили. На обход выходило трое стражников, у каждого был свой участок, потом их меняли, и так до самого утра. Утром заступала дневная смена.

Дарк связал, а потом взвалил нападавшего на плечо и вынес его за территорию рынка. Он прекрасно понимал, что теперь ему надо уходить из города, но он хотел еще выполнить намеченный им план и громко хлопнуть дверью напоследок. Утащив тело вора на пустырь в какой-то полуразвалившийся сарай, он потер его лицо снегом и, видя, что тот приходит в себя, зажал ему нос пальцами. Когда тот отрыл рот, он всунул туда кляп, изготовленный из полы его же одежды. Дарку надо было кое-что выяснить, прежде чем покинуть городок.

– Слушай меня внимательно, – проговорил Дарк – мне надо знать, где живет глава ночной гильдии. Я сейчас выну кляп, и ты мне ответишь.

Дарк выдернул кляп, но в тот же миг вор заорал, вернее, попытался это сделать. Так как парень был на чеку, он резко ударил того в живот, выбив из него дыхание, и, когда тот открыл рот, чтобы вдохнуть хоть немного воздуха, снова воткнул ему кляп. Не останавливаясь на этом, Дарк достал кинжал и просто отсек вору ухо. Даже ночью было видно, как расширились у него глаза от боли и как он задергался.

– Повторяю, ты мне все равно расскажешь все, что мне нужно: где находится ваш главарь и как туда пробраться? Чем дольше я буду спрашивать, тем меньше частей тела у тебя будут целыми, ты меня понял? – спросил он вора.

Тот активно закивал головой, и Дарк в очередной раз выдернул кляп. В этот раз диалог наладился, Дарк задавал вопросы, а тот отвечал подробно и многословно. Узнав все, что ему надо было, Дарк ударил кинжалом бандита под нижнюю челюсть и оттолкнул его, стараясь не вымазаться кровью. Он хорошо помнил наставление учителя о том, что никогда нельзя оставлять за спиной врага – ни живого, ни раненого.

После чего он прокрался к своей схованке и, прихватив мешок и зарядив арбалет, отправился по адресу, который дал ему убитый вор. Хоть ночь и была безлунной, но снег давал достаточно света, поэтому приходилось красться в тени деревьев и домов. Вот вроде бы и дом, описание которого дал Дарку вор. Дарк еще раз проверил, но приметы все совпадали, и он осторожно и ловко перемахнул через забор. Осторожно постучал условным стуком в дверь небольшого, но опрятного домика и, когда дверь, негромко скрипнув, отворилась, просто ударил кинжалом в тень, стоящую в проеме. Резко шагнув вперед и прикрыв рот жертве, осторожно опустил ее на пол, спокойно прошел через труп дальше. Уже не церемонясь, принялся спокойно перемещаться по дому, ища спальню главаря ночной гильдии. У того не было ни жены, ни детей, и последнее время его охранял всего один охранник, которого Дарк уже убил, –

настолько он уверился в своей неприкосновенности. Спальня нашлась быстро, и, войдя в нее, Дарк выстрелил из арбалета в человека, поднявшегося с кровати. После чего он, найдя фонарь, зажег его и немного порылся в шкафах, нашел мешочек с деньгами, который бросил в свой мешок, и принялся переодеваться. Снял кольчугу, поддоспешник и шлем, упрятав их в мешок, сам же надел, достав из мешка, то, в чем ходил всегда. Еще раз проверил, все ли нормально, осторожно вышел из дома и направился к воротам из города. Уже начинало сереть, и скоро ворота откроют, надо было успеть, пока никто еще не кинулся его искать.

В ворота он вышел одним из первых. На него даже никто не обратил внимания: стража проверяла и трусила селян, приехавших на рынок города, и ей было не до него. Выйдя из ворот, Дарк вздохнул полной грудью и скорым шагом направился на юг. Конечно, он понимал, что все, что он делал последнее время, попахивало сплошной авантюрой, но что оставалось ему делать? Можно было просто уехать в другой город, но что он там заработал переписыванием писем и прошений, копейки. В страже, конечно, он получил бы больше, но если бы не тот случай… а впрочем, чего жалеть, он и себя проверил, и дал укорот бандитам и ворам, и при этом неплохо поживился. Он сразу задумал эту авантюру, и она удалась. Ненавязчивые вопросы, задаваемые клиентам во время написания писем и прошений, постепенно сложились в довольно четкую картину. Правда, его до сих пор мутит от всех этих убийств и запаха крови. Дарк усмехнулся и, поправив за плечами мешок, прибавил шаг.

Глава пятая

Третьи сутки Дарк уже служил охранником каравана. Он не стал говорить, что он дворянин, представившись просто Дарком Мушером. В отряде были и конные охранники, и пешие; конные, соответственно, и получали больше, и отношение к ним было более уважительное. Таких, как Дарк, было шесть человек: эти охранники помогали ездовым и иногда даже выполняли обязанности грузчиков, но зато ехали на санях, а не торили дорогу пешими.

В воздухе уже пахло весной, и купцы спешили добраться до пункта назначения до того, как раскиснут дороги. Караван был большой, его охраняли несколько групп охранников, и, видно, местные шайки лихих людей не рискнули на них напасть. По этой или по другой причине, но доехали они до резиденции герцога Краста эну Валенси в городе Доренбург спокойно и без приключений. Правда, последний день тащились по раскисшей дороге и умаялись все: и кони, и люди. По прибытии часть обоза направилась в замок герцога, а часть – к складам купцов. После того, как с охраной рассчитались, Дарк и небольшой отряд охранников отправились на постоялый двор, где решили остановиться. Этот постоялый двор пользовался немалой популярностью у наемников и охранников караванов благодаря невысоким ценам и неплохому сервису.

Несколько дней Дарк знакомился с городом, удовлетворял свое любопытство. Доренбург был довольно большим городом, можно даже сказать, ухоженным: на улицах сновали уборщики, квартальные следили за чистотой, часто можно было столкнуться с патрулем стражников. Они следили за порядком, нищих почти не было, лишь у храма Спасителю сидело с десяток, воров на рынке тоже не было, или Дарк просто не заметил их. В общем, город ему понравился, и он с удовольствием в нем остался бы жить.

Дни стояли солнечные, и небольшой ветерок быстро сушил дороги. Вскоре можно было пристроиться к какому-нибудь каравану в охрану. Дорогу домой он все откладывал и откладывал. Что он там будет делать? Следить за сервами, считать, сколько посеяли, сколько убрали, сколько сдали в счет налогов? А так хочется посмотреть на мир, как живут люди в других странах, и еще ему очень хотелось проверить рассказ старого пирата.

«А вдруг это правда, что рассказал старик, а не бред умирающего человека, – думал Дарк. – Как бы было здорово приехать домой уже состоятельным человеком и удивить отца и маму». И после этого Дарк начинал мечтать…

В этот караван он попал совершенно случайно, остановившись на ночлег на постоялом дворе у тракта, по которому Дарк двигался, в тот самый момент, когда там же остановился и караван. Дарк прикинул все за и против и решил попроситься в охрану каравана. К его удивлению, его взяли, и он впоследствии нисколько об этом не пожалел.

Однажды вечером за ужином к нему за стол подсел глава отряда Джуз Карт, который с несколькими охранниками из отряда тоже жил на этом постоялом дворе, и стал интересоваться, чем он думает заниматься дальше. Дарк еще даже не думал об этом, поэтому так и ответил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.